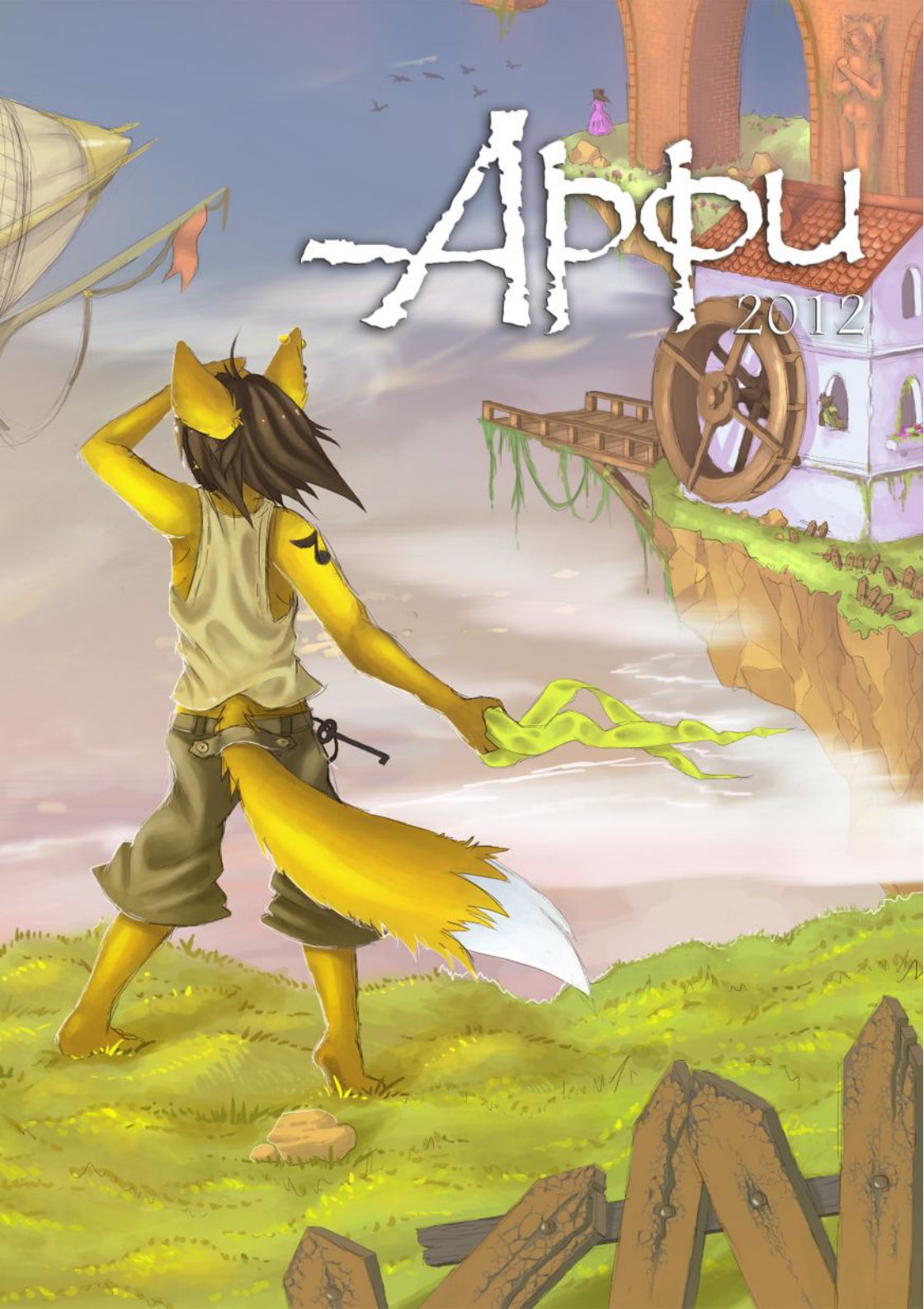

Арфу

2012

АЛЬМАНАХ РУССКОЯЗЫЧНОГО ФУРРИ-ИСКУССТВА

В НОМЕРЕ

«Подопечный» (отрывок) Чинк, стр. 29

«Вольный ветер» Halista, стр. 49

«На изнанке мира» Вультур-Мартес, стр. 77
и многое другое...

FurNation.Ru

Уважаемые пушистики!

2012 год был насыщенным с точки зрения фурри-мысли и событий, происходящих в русскоязычном фурри-пространстве. Окончательно оформились многие фурри-проекты в Рунете, среди которых радио WeFurries и программы Субкультурного Радио («СССР»). Благодаря радиопередачам в сообществе стали активнее обсуждать самые разные темы и идеи, связанные с фурри, что наверняка стимулирует авторов к новым творческим поискам и достижениям.

За прошедший год фурри рисовали, сочиняли музыку, стихи, литературные произведения и даже проводили научные работы по изучению фурри-языка и фурри-искусства.

Некоторые результаты этой активной деятельности мы представим в данном выпуске альманаха и на сопутствующем DVD-диске MRFF.

Проект MRFF (Music Russian Furry Fundation), в сотрудничестве с которым мы уже много лет делаем подборку фурри-музыки, в этом году стал более значимым и самостоятельным. В этом году у него богатый урожай. Есть как известные по предыдущим дискам, так и новые русскоязычные композиторы. Мы не забыли и про наших зарубежных коллег: с их разрешения на диск добавлены по несколько композиций для ознакомительных целей. Всего получилось около 120 треков. Список авторов приведен в оглавлении журнала и на коробке с диском.

Уровень наших музыкантов заметно растет, что нас невероятно радует! Растем и мы – теперь у нас полноценный DVD диск и коробочка с полиграфией.

Музыкальная часть диска в этом году состоит из двух разделов:

«Выбор редакции» – это лучшие, по мнению редакции, треки которые мы рекомендуем обязательно послушать тем кто интересуется фурри-музыкой.

«Остальные» – это треки, которые по разным причинам не прошли отбор. Либо уровень не дотягивает, либо трек слишком короткий, либо качество записи оставляет желать лучшего.

Также на диске можно найти видеозапись мюзикла, посвященного фуррям – «Yiff» (на английском языке) и дополнительные материалы из журнала АРФИ.

MRFF выражает благодарность всем музыкантам, приславшим нам свои работы и художнику Skio за арт для обложки. Отдельное спасибо Tim Saward за мюзикл, и дополнительные материалы к нему.

Наше сообщество развивается. Появляются все новые авторы. В этом году у нас накопилось довольно много произведений, которые можно представить нашим читателям. Но еще больше литературных творений накопилось на таких проектах, как Furrnation.ru, и на других фурри-ресурсах. В рамках одного ежегодного альманаха уже невозможно упомянуть их все. Чтобы не отставать от темпов развития, в 2013 году мы хотим создать для АРФИ отдельный сайт и по возможности запустить ежемесячную передачу на Субкультурном

Радио, в рамках этих проектов будем на постоянной основе заниматься сбором и анализом фурри-произведений с крупных порталов и от отдельных авторов. Лучшие из найденных нами работ будут в результате попадать в ежегодный альманах. Если вас заинтересует участие в данном проекте, мы приглашаем всех стать нашими слушателями. А авторов – присылать свои работы не раз в год, а на регулярной основе. Мы попытаемся создать площадку где можно представить продукт своего творчества и сформировать интерес к нему у пушистой аудитории; получить первичную оценку и конструктивную критику от нашей редакции и аудитории, что поможет сделать произведения авторов, которые решатся пойти на такой риск, гораздо лучше и интереснее. Помимо этого, мы по-прежнему будем рассматривать тексты, которые присылают непосредственно в АРФИ по итогам года.

В выпуск этого года, как и ранее, вошли не только литературные произведения, но и статьи. Одна из них посвящена анализу незавершенной повести Чинка «Подопечный», отрывок из которой вы также можете найти на страницах АРФИ этого года. А вторая немного рассказывает о современном фурсьютинге в России и в других странах.

Помимо этого, вас ждут замечательные рассказы и стихи от разных фурри-авторов, которые мы надеемся понравятся вам и подарят новые идеи.

Редакция АРФИ выражает благодарность всем авторам которые присылают свои художественные работы и статьи в наш альманах! Даже если ваше произведение не попало в журнал из-за ограничения по объему, оно помещается на прилагаемый диск, где читатели могут ознакомиться с ним в электронном виде.

Благодарим всех читателей, которые интересуются фурри искусством и нашим журналом, помогая выпускать его каждый год!

Оглавление

СТАТЬИ

Несколько слов о незаконченной повести (StormWind)8

Фурсьютинг в России и в мире (PolarLight)18

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Аметист Аррстар

«Оторви мои крылья..»26

Свет луны26

Жертва27

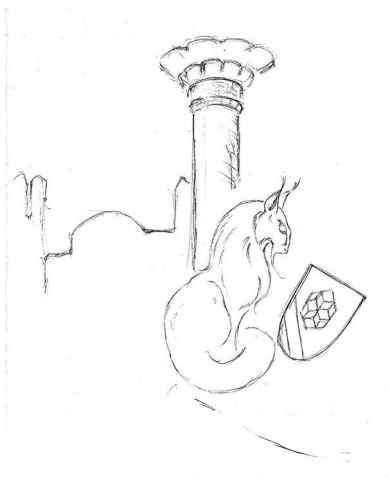
«В клубок свернувшись в уголке..»27

Банзай

«Лагерь с 18ти до 27ми..»28

Чинк

Подопечный (отрывок)29

Дженни

The Fox Way – Лисий путь (отрывок)43

Dreamer

Пушистый Новый год47

Фаэрт

Серебряное небо48

Halista

Вольный ветер49

Хильд

Сказка про улиток и теплый шарф61

Кельт

Время Крылатых (отрывок)64

Куджо

Такова судьба...70

Ана-Люсия

«Кто я? Я — кошка» — Всегда отвечала...»71

Мантс

«В пору дождя, под вечер летний...»72

«Зимняя дорога, белоснежный лес...»72

Mezza the Fox

Ящерки73

Сирин73

Skip

«Сверну в комочек старый
мир...»74

Tanassi

Охотник75

Вультур-Мартез

На изнанке мира77

Художники**Skio**

Для MRFF (рис.)57

GoodWolf

Exhaustion (рис.)36

Orphen Sirius

For Arfi2012 (рис.) 12

Рагнарек Саятам

Adept Of Monolith (рис.)46

Static-Ghost AKA Rain

Nebula Flight (рис.)50

Созвездие Белого

клыка (рис.)63

Таби

Небесное единство (рис.)76

Tim640

Mornin' (рис.)30

**Контактные e-mail авторов
и редакции АРФИ83**

**Создатели журнала и авторы
иллюстраций84**

Музыка MRFF

Приложение к журналу АРФИ 2012

Русскоязычные музыканты:

Aspeel RaraAvis, Worgen (Pioneer Chris),
Watarius, Veemie, Vasory88, Sirius Black
(Blackwervolk), Neichet, FoxAvril, Diego,
Augustine Mayer, NaurEvan, Ankor Wolf,
ShadowWolker, LexXxy Nickson.

Зарубежные музыканты:

Fox Amoore, GreatFox, JayB.

На DVD-диске можно найти
музыкальные треки разных авторов,
видеозапись мюзикла посвященного
фуррам, арт и тексты, которые не
поместились в выпуск этого года.

СТАТЬИ

Несколько слов о незаконченной повести

Рассматривая повесть Чинка «Подопечный»

Написание рецензии на произведение, которое еще не завершено, является крайне неблагоприятным занятием. Зачастую трудно предположить, как в итоге сложится судьба героев и по какому пути пойдет развитие сюжета.

Я решил сделать исключение для повести Чинка «Подопечный» в силу значимости, по моему мнению, данного произведения для русскоязычной фурри-литературы и поразительной созвучности многих методов и идей, показанных в произведении, с моими изысканиями в предмете фурри-искусства. В своей прошлогодней статье «Фурри, как основа творчества» (Арфи2011, стр.7) я рассматривал, как фурри-образ и идея (а не только фурри-персонажи) могут быть положены в основу художественного произведения, в котором антропоморфность героев выходит за рамки «костюмов» для обычных человеческих характеров и является необходимым элементом сюжета. Нам очень повезло, что в этом году в АРФИ прислали произведение, которое прекрасно иллюстрирует данную концепцию.

В связи с упомянутой выше незавершенностью рассматриваемой повести, я постараюсь не делать никаких окончательных выводов и не слишком подробно описывать сюжетную составляющую произведения, а сосредоточусь на развитии и демонстрации в действии той проблематики и идей, которые я описывал в прошлогодней статье.

Повесть «Подопечный» – это первое произведение автора, с которым мне довелось познакомиться. Однако я обратил внимание, что многие представители сообщества заметили это творение раньше меня. Например, первую главу данного произведения напечатала ЕкаГО в своем самиздат-журнале «Густус» (вып.1). О данном произведении делали передачи радио WeFurries. Субкультурное радио приглашало автора и рассматривало его творчество в передаче, посвященной вопросу: «Как становятся фурри?».

Такой разносторонний отклик на произведение, довольно редкий на фоне общего развития русскоязычной фурри-литературы, определенно привлекает внимание и требует анализа.

Слово автору повести

Как пишет сам автор – творчество, по его мнению, является наилучшим способом выразить свое внутреннее понимание красоты фурри-образа. Глубоко и разносторонне объяснить, что для тебя является идеалом фурри. В чем именно выражается эта красота.

Помимо чувства удовлетворения от такого самовыражения, через отзывы и общение с читателями можно узнать о единомышленниках, которым

понравилось именно твое видение этого вопроса. Это само по себе веский аргумент, чтобы заниматься творчеством.

По мнению Чинка, помочь писать о фурриях может умение прислушиваться к мнению других представителей сообщества. Тогда велика вероятность, что откроешь для себя множество интересных деталей, которые придутся и тебе по душе. Или услышишь какие-то аргументы, с которыми согласишься и поменяешь некоторые из своих взглядов. Благодаря этому сочинения могут стать реалистичней, а в произведении появятся новые интересные эпизоды, как произошло с описанием длительного процесса трансформации в антропоморфа (прим.: первоначально автор хотел сделать процесс моментальным, но читатели заметили, что это выглядит неправдоподобно).

В завершении своего письма в редакцию, Чинк советует авторам применять фантазию, стараться прочувствовать момент, представить себя на месте персонажей. Тем, кто часто представляет себя в пушистом виде и любит пофантазировать об антропоморфах это должно быть нетрудно.

Идеи и сюжет

Слова автора о своем творческом методе, приведенные выше, очень точно согласуются с тем, что я нашел в описываемом произведении.

Основным предметом изучения в данной повести является фурри-идея. В попытке описать ее, автор задает множество вопросов себе и своим читателям и старается ответить на них в меру своего видения. Старается представить себя на месте своих фурри-героев. Перевоплотиться в них.

Среди таких вопросов на первый план выходит проблематика обстоятельств:

– *Что делать, если мы станем фурриями в реальности?*

– *Как настоящих антропоморфов примет человеческое общество? Особенно если они сами в прошлом были людьми.*

Чтобы ответить на эти вопросы, автор моделирует в произведении социальный конфликт в обществе, при трансформации части людей в настоящих антропоморфов. И, хотя подобная тема иногда поднималась в произведениях других авторов, способ, которым разворачивается сюжет, использованные образы и характеры героев производят глубокое впечатление, заставляя снова задуматься над этими вопросами даже искушенных читателей.

В повести «Подопечный» прослеживается не только четкое отделение пространства «фурри» от пространства «людей», но и единство обстоятельств, в которых они волею судеб оказались вместе.

На конфликте между этими двумя мирами и строится основная сюжетная линия. Следуя классическим образцам литературы, автор путем развития сюжета и формирования характеров героев ведет читателя к пониманию

поставленных этими новыми обстоятельствами вопросов, а также развивает и описывает через них идеи фуррей как на индивидуальном уровне, так и на уровне общества.

Например, образ жизни фуррей в лесу, в вынужденном изгнании, напоминает деревенскую общину, члены которой как бы обрели родственные связи через превращение в антропоморфов. В связи с этим, каждое из превращений является важным событием в жизни всего убежища, оно аналогично второму рождению.

Практически каждый был занят, в основном добычей еды – охотились, собирали грибы, ягоды, съедобные корни. Другие готовили всё это для употребления или для длительного хранения. Готовили на огне только в ночную смену и только в безлунную ночь – соблюдали маскировку. В другие дни приходилось довольствоваться тем, что не нуждалось в приготовлении, или запасами приготовленного заранее. Третьи заботились о ремонте и уборке. Главные работали на равных со всеми, когда не было дел организационного плана.(...)

Дальше пошел тяжелый период трансформации(...) За ним был установлен круглосуточный уход, который контролировал Ранэк. (...) Тут впору было б заскучать, если бы не разговоры с дежурными, выполняющими роль медсестры или медбрата, которые, помимо ухода, следили и чтобы Чинк не загрустил от однообразного постельного режима.

Жизнь в городе представляет собой противоположность идеализированному существованию свободных фуррей на природе. Монолог опекуна главного героя показывает некий усредненный взгляд на правильное положение вещей заинтересованного в порядке человека:

Это ж надо только додуматься до такого! Нормальную человеческую внешность применять на это! Вот и стали одни из вас опасными для себя и окружающих, а другие – не способными о себе позаботиться. Так что общество вынуждено было наложить на вас подобные ограничения. (...) В тебе осталось стремление, чтобы к тебе относились как к человеку, но твой организм уже не соответствует этому определению. Ты наполовину зверушка (хорошо ещё, что зверушка, а не опасный зверь), и не можешь жить в обществе без ограничителя, в виде опекуна, который будет дёргать тебя за поводок всякий раз, когда твоя звериная сущность будет брать верх над человеческой.

Разумеется, при таком положении вещей, пушистики вынуждены бороться за право быть самостоятельными в выборе образа жизни. За право жить без «поводка», за который дергает человеческое общество, решая, что можно делать, а что нельзя; особенно если эти «странности» совершенно безобидны для окружающих.

На этой ненасильственной борьбе за свои права основана главная сюжетная линия произведения.

По ходу повествования также рассматриваются другие вопросы, которые

помогают передать представления автора об антропоморфах.

– *Как и почему становятся пушистыми?*

– *Что такое быть фуррем? Как фуррию жить с «атавизмами» (в повести так названы звериные поведенческие особенности антропоморфов)? Как «атавизмы» конфликтуют с человеческой частью фуррия и с человеческим обществом?*

– *Как может выглядеть повседневная жизнь в воображаемом фурри-обществе?*

– *Как построена общественная жизнь фуррей в «коммуне»? По каким критериям фурри выбирают своих лидеров? И т.п.*

Композиция произведения и характеры героев

Помимо интересных сюжетных и идейных находок, необходимо отметить, что автор знаком с приемами, которые помогают пробудить и поддерживать интерес читателей на протяжении всего повествования. А для фурри-читателя, которому интересны поднимаемые произведением вопросы, погружение в фантастический мир, созданный автором будет максимально полным. Сопереживание ярким и таким знакомым, как будто взятым из жизни сообществу, характерам персонажей и их проблемам – обеспечено с первых глав произведения. Не обойдется и без потаенных страхов перед расчетливым государственным аппаратом, символизирующим репрессии, недоверие и проблемы принятия фуррей обществом.

Грамотно построена композиция произведения. Повесть начинается с эпизода о спасении главным героем ребенка из горящего здания. После произошедших событий и их последствий следует ретроспекция – о том, как главный герой попал в этот мир. Из нее мы также узнаем о положении дел, что частично разрешает интригующие вопросы, которые могли накопиться после прочтения первого эпизода. Такие чередования будут встречаться и далее по ходу повествования в необходимых сюжетах мест. О некоторых исторических событиях главный герой узнает из прессы или рассказов окружающих.

Этот распрос навел воспоминания... Чинка, которого в миру звали Сергей, пригласили пройти практику в очень именитом НИИ, с последующей перспективой там работать. Это была великопепная возможность. Он явно недоумевал, чем обязан такому, внезапно свалившемуся, счастью. Среди обучающихся с ним были куда более выдающиеся студенты. И никто из них, насколько было известно, даже в планах не держал там работать. Это должно было бы показаться подозрительным, но Сергей был так ошастливлен этим предложением, что его даже не насторожила подписка о неразглашении всего, что увидит.

Характеры героев чередуются между типическими обобщениями персоналий, с которыми автор мог познакомиться внутри сообщества, и оригинальными образами. Тем не менее, каждый из основных действующих

лиц-фуррей достаточно самостоятелен и индивидуален. У большинства из них есть своя история, личность и особенности.

– Ну, я не хотел оставлять папу с мамой, – начал свою историю Арай, – поэтому решил вообще не превращаться. К тому же, я долго не мог определиться с фурсоной. И вот, в один прекрасный день, я придумал, наконец, такую внешность, что мне полностью понравилась. Понравилась так сильно, что я стартовал. Это само как-то получилось. Потом я долго скрывал это от родителей, пока это не стало заметно. Они меня прятали, сколько могли. В убежище меня отдать папа так и не решился.

(...)

– А я совсем не собирался стартовать. Я, конечно, люблю антро-внешность, но не до такой степени, чтобы распрощаться с благами цивилизации и отправиться жить в лес. Я тихо, мирно продолжал учиться в универе, как тут они с этой проклятой машиной. Они заставили меня стартовать! – возмущенно сказал Мазалин.

Язык произведения

Одной из языковых особенностей повести является то, что автор в некоторых местах применяет термины, понятные только представителям нашего сообщества. Например: «фурсона», «фурри» и т.п. Для того, кто понимает эти слова, они не ломают язык произведения, а естественно вплетаются в него, создавая целостность, сочетающуюся с семантическим пространством описываемого мира. Вполне логично, что сообщество фурри, даже перенесенное в другие обстоятельства, станет использовать известные ранее термины и определения. А необычные события, происходящие в связи с превращением, могут сделать эти термины известными всему обществу. Даже для неподготовленного читателя большинство этих слов должны быть понятны из контекста.

...Иное дело – трансформировавшиеся из сообщества фурри. Ваши, так называемые «фурсоны» порой просто напичканы поведенческими стереотипами, ну прямо инстинкт на инстинкте! Тут тебе и тьяканье, и мурлыканье, и рычание или ишпение в момент испуга. И телодвижения всякие замысловатые. Чего только не попыхано в ваш образ идеального антропоморфа! Вот и задаёт ваше подсознание в проект, при старте, всю эту чепуху в виде целого ряда инстинктов...

Помимо использования некоторых слов из фурри-сленга, автор очень удачно вводит несколько новых важных для повествования терминов, используя общеупотребительные слова в новом контексте: например, «атавизм» (для наименования бессознательно добавленных в фурсону звериных инстинктов, влияющих на поведение антропоморфа). Или термин «стартовал» по отношению к началу превращения человека в свою фурсону.

Удачным способом продемонстрировать особенность главного героя и его отличие от людей является введенная автором «особенность речи» персонажа Чинка, когда он не может произносить некоторые звуки. По ходу произведения наш герой учится справляться с этим речевым недостатком и контролировать другие свои «атавизмы», проявляющиеся в некоторых ситуациях.

Что можно улучшить

В данном разделе, я поделюсь своим мнением о некоторых моментах, которые, по моему мнению, можно было бы доработать. Начать я бы хотел с персонажей-людей, которые встречаются в произведении.

В отличие от ярких и близких фурри-персонажей, о которых я говорил в разделе «Композиция произведения и характеры героев», характеры людей прописаны в произведении значительно грубее, и в них не чувствуется должной глубины. Большинство из героев-людей выполняют обслуживающие роли – например, образа сторонней поддержки («..Ну, не буду вам мешать! Общайтесь, – завершил процедуру знакомства Акрэл и удалился.»), или образа сомнения («..Так что общество вынуждено было наложить на вас подобные ограничения.»), или же образа противника. Характеры и истории практически всех людей в произведении прописаны отрывочно, за исключением разве что одного из антагонистов – Нэйриса, историю и мотивы которого автор описывает отдельными диалогами и ретроспекциями. Этот момент определенно можно отнести к недостаткам произведения. Ведь более полно проработав характеры и мотивации тех, кто поддерживает героев в их стремлении к признанию и свободе, а также тех, кто им противостоит, можно еще больше разжечь интерес читателей.

Есть подозрение, что эта особенность в неописании характеров людей имеет психологическую природу. Представляя характер фурри-персонажа, автор активно использует свойства его фурсоны, введенный им атавизм лишь углубляет характеристику в психологическом плане. Наивные мечты и мысли, детскость характера отлично подходят персонажам-фурриям. Эти характеры и фурсоны Чинк-автор много раз наблюдал в фурри-сообществе. Они ему близки, понятны, и он может их описать. Но как только речь заходит о персонажах-людях, то включается какой-то блок. Например, описав личную жизнь Спэма, его хобби, интересы, мысли – можно было бы значительно углубить данного персонажа и сделать его куда более живым. А ведь даже у обычных людей могут быть свои «фурсоны» (или, скорее, «хумансоны», если можно так сказать) со своими характерами, мотивацией, потребностями и мечтами. Возможно, нужно постараться немного лучше узнать их.

Также довольно противоречива социальная картина описываемого мира. Многие вопросы остаются практически не разрешенными до текущего момента повествования. Например, почему есть некий «правительственный

заговор» держать фурией в состоянии граждан второго сорта – обосновывается очень расплывчато. Объяснение, что причина всему – навязчивое желание экспериментировать над ними и в результате создать «суперсолдат» на основе повышенных физических способностей, имеет массу внутренних противоречий. Хотя бы в том, что по произведению видно – крупных и активных войн государство не ведет и острой необходимости в живой силе и в чем-то большем, чем обычное оружие, не испытывает.

В связи с этой неполнотой описания, могут показаться искусственными некоторые реакции и мотивы публики, прессы и другие общественные проявления, которые автор включает в свое повествование. Возможно, плохую службу здесь сослужила временная шкала событий, заданная автором. Ведь если бы фуриями в этом мире начали становиться недавно, то постепенное узнавание о них и увеличение интереса к ним самим или к их правам было бы оправдано. Однако предполагается, что события, связанные с уходом фурией в леса, произошли довольно давно. И весь мир какое-то время, до появления главного героя, находился в некоем статичном подвешенном состоянии. Никакие социальные процессы в нем не происходили, а стартовали сразу по появлении героя.

По моему мнению, более детально выписав характеры и мотивацию персонажей-людей, которые окружают основных героев, можно правдоподобно объяснить позиции разных слоев общества и их мнение по поводу положения антропоморфов. Это помогло бы сделать мир более насыщенным и подвижным.

Антропоморфные персонажи и их общество в начале повести идеализированы немного более, чем необходимо. Хотя в развитии сюжета это компенсируется выделением нескольких фурий-экстремистов, которые совершают насильственные действия. Тем самым идеальный образ разрушается. Для чего автору потребовался данный эпизод, пока остается туманным.

Хотелось бы также обратить внимание на некое табу на любовные отношения, хотя оно не слишком бросается в глаза и поэтому не может быть расценено как серьезный недостаток. Автор просто старается не ставить персонажей в такие ситуации. Жена Чинка упоминается лишь вскользь. Он почти не вспоминает о ней, испытывает очень мало эмоций по поводу расставания. От этого складывается впечатление, что он вообще с ней не жил, хотя, как мы узнаем далее, у них есть дочь. Этот момент выглядит немного странно.

Здесь я вынужден снова напомнить, что повесть еще не завершена автором, и, возможно, все встанет на свои места в последующем развитии сюжета.

Многие могут также посчитать спорным моментом причину превращения

в фурри. Автор вводит в свой мир идею некоего излучения, которое способно по усилению воли запустить процесс превращения героев в антропоморфных зверей, образ которых они точно представили в своих мыслях. Разумеется, с научной точки зрения, такой прием не выдерживает никакой критики. Однако я не могу ставить это в счет недостатков по двум причинам. Во-первых, у автора нет претензий на строгую научность. А во-вторых, что куда более важно, благодаря описанному приему открываются восхитительные возможности для построения оригинальной системы образов, раскрывающих суть превращения в антропоморфа. И это в дальнейшем играет огромную роль в развитии сюжета и действующих героев.

Например то, что при превращении фуррь может подсознательно добавить «атавизм» в свою фурсону, является одной из важных опорных точек сюжета. А само описание момента превращения, когда ты представляешь свой образ во всех деталях и «стартуешь», – не что иное как яркая метафора трансгуманистического совмещения идеального с материальным, мыслей и реальности. Можно даже провести некие аналогии с искусством фурсьютеров или созданием фурсоны онлайн. Создание фурсоны, ее оживление, раскрытие характера своего персонажа, отличного от твоей человеческой части, определенно должно находить отклик в фурри-читателях.

...Он остановился. В голове возник образ его фурсоны (именно в голове, а не перед глазами, так как всё окружающее он видеть не перестал), причём не просто внешний вид, а и внутреннее устройство с полным пониманием, как будет функционировать каждый орган. Похожее на белку существо, с зелёным окрасом шерсти и головой как у белки-лентяи (более круглая, чем у белки, с большими черными глазами и маленькими круглыми ушками). Немного поразмыслив, Сергей решил несколько изменить проект, так как в реальной жизни полностью соответствовать фурсоне создало бы некоторые трудности. Сделал глаза менее чувствительными к свету, в результате чуть худшее ночное зрение, но зато на ярком солнце он не будет слепнуть. А также вегетарианский рацион заменил на всеядный, – кто знает, как здесь с добычей пропитания! Про то, что ему надо будет возвращаться в свой мир, и что он там будет делать в таком виде, если всё получится, он даже не подумал. Полностью довольный получившимся результатом, он мысленно приказал «начать»...

...И, чем больше ваше убеждение, что «так должен себя вести настоящий фуррь!», тем громче, после трансформации, этот атавизм будет диктовать вам свою волю. И хорошо ещё, если это безобидное мявканье-тявканье. А вот, например, самый распространённый поведенческий стереотип – некоторые из кошачьих, например, считали до трансформации, что «настоящий фуррь должен быть равнодушен к катящемуся клубочку или мячику». И вот, как результат, пройдя трансформацию, теперь в большей или меньшей степени, когда эти предметы попадают в их поле зрения, испытывают желание поиграть с ними...

Впечатления

То, что я прочитал на данный момент, оставило у меня крайне положительные впечатления. В своей прошлогодней заметке «Фурри, как основа творчества», я упоминал о том, что самые очевидные варианты появления фурри-персонажей в произведении — это или настоящие антропоморфы с мехом и хвостом, или «фуррь в душе», как характер из нашего сообщества. Меня привлекло то, что Чинк в своей повести гармонично и естественно совместил два этих варианта в единое целое. У него получился характер «фуррь в душе, участник сообщества» и «фуррь в реальности». По моему мнению, это одна из замечательных находок данного произведения.

Авторы фурри-произведений могут найти в «Подопечном» пример реализации идей, о которых я ранее призывал задуматься в рамках фурри-искусства. А методика Чинка, которая призывает после расстановки обстоятельств и декораций перевоплотиться в своих антропоморфных персонажей для написания произведения, является методом, который стоит попробовать пушистым литераторам.

С нетерпением буду ждать новые главы, чтобы узнать, какие еще трудности придется преодолеть героям на пути к свободе и самостоятельности. А также — как будут развиваться характеры героев и их взаимоотношения друг с другом и с окружающим миром.

Даже та часть повести, которая уже написана, может побудить фурри-читателей к размышлению над многими основополагающими вопросами сообщества, характерными для фурри-лайфстайлеров и тех, кому интересно было бы представить, как это «быть антропоморфом в реальности». Представить не с позиции «хорошо это или плохо», а с позиции некоей внутренней необходимости. Последствия могут быть только после. Не случайно в мире «Подопечного» стартовать и превратиться в другое существо можно только один раз, безвозвратно. Выбрать ли то, к чему стремится сердце, или то, что удобнее для жизни в обычном обществе, — решать вам.

StormWind <stormcanine@yandex.ru>

Январь 2013 года.

Отрывок произведения напечатан в данном выпуске АРФИ. Все главы, доступные на данный момент, можно прочитать на диске MRFF этого года в папке «Чинк». Продолжение автор обещает по мере написания выкладывать в своем разделе на Furnation.ru: <http://chink.furnation.ru/>

Фурсьютинг в России и в мире

Одной из ярких особенностей фурри-сообщества является фурсьютинг – создание костюмов антропоморфных персонажей и все что связано их ношением. Фурсют позволяет словно перевоплотиться в своего персонажа, почувствовать себя немного другим.

Эта форма фурри-искусства затрагивает различные аспекты личностного самовыражения. Ведь, чтобы создать фурсют, необходимо сначала детально проработать собственный фурри-образ, сотрудничать с художниками, которые правильно изобразят его на бумаге. Общаться с другими представителями сообщества, которые будут придирчиво сопоставлять этот образ с твоим характером и поступками. Только тогда можно успешно перевоплотиться в свою фурсону и вести себя естественно в фурсьюте. Конечно, многое зависит и от того, насколько сьютер артистичен, как умеет вжиться в выбранный образ. Иногда это понимаешь сразу, иногда свобода самовыражения собой приходит со временем. Из этих небольших шагов рано или поздно синтезируется яркий, запоминающийся образ фурсьюта.

История

Фурсьютинг как явление возник приблизительно в 1984–1989 годах, на заре формирования сообщества. Т.к в Интернет практически невозможно найти материалы тех лет, трудно назвать точные даты и конкретные события. Известно, что в 1989 году, на первом фурри-конвенте, получившем название «Confurrence 0», было проведено первое мероприятие, посвященное фурсьютингу – «Furry costuming».

По мере роста конвентов, там стали появляться многочисленные сьютеры, количество которых постоянно росло и увеличивается по сей день. Очень многие пушистые хотят побыть в роли своего персонажа, поэтому фурсьютинг не теряет своей популярности.

В 2004 году была опубликована книга «Critter Costuming: Making Mascots and Fabricating Fursuits», написанная Адамом Риггсом, в которой были описаны основные на тот момент способы изготовления костюмов животных.

В 2000-х годах в США некоторые талантливые фурри, имеющие опыт создания таких костюмов, начали организовывать небольшие студии по созданию фурсьютов на заказ. Latinvixen, Firestormsix, Donthugcacti, Qatzezel. С каждым годом их становится все больше.

В России первые фурсьюты появились приблизительно в 2005 году. Но поскольку фурри-сообщество в русскоязычных странах находится на более ранней стадии развития, до недавнего времени число

фурсьютеров было невелико. Однако на «Русфурренции-2013» в этом году зарегистрировались уже около 70 фурсьютеров – это 28% от общего числа участников, что является рекордным показателем для российских фурри-конвентов.

Важная особенность фурсьютинга.

Существует множество видов костюмов животных. Например, маскоты (от англ. «mascot» – «талисман») спортивных команд, образовательных и коммерческих учреждений – это костюмы неких персонажей, которые были выбраны в качестве символов этих организаций. Также существуют костюмы для рекламных и развлекательных целей, называемые ростовыми куклами. И некоторые другие более редкие виды костюмов, создаваемых для драматургических целей.

Такие костюмы, строго говоря, нельзя называть фурсьютами, даже если внешне они похожи на антропоморфных персонажей. Важное отличие в том, что перечисленные выше виды костюмов не имеют отношения к фурсоне, т.е. персональному антропоморфному образу самого себя. Для фуррей же одной из важнейших составляющих сьютинга является реализация потребности в отождествлении себя с своим личным персонажем, своей фурсоной. Ростовая кукла – это просто костюм, который может надеть любой, кто с ним работает. Фурсона же уникальна и используется представителями нашего сообщества для целого комплекса различных целей: коммуникативных, сценических, психологических, творческих и т.п. Она сопровождает фурря во всем – от онлайна (в виде аватарок и самопрезентации) до оффлайна (фурсют или просто общение с друзьями).

Разумеется, не все и не всегда строго придерживаются этого принципа. Иногда фурри создают игровые сюты, временных персонажей. Все это остается на усмотрение фурсьютеров и не регламентировано какими-то сводами правил или законов.

Техническая составляющая

Фурсьюты бывают полные (когда костюм полностью закрывает тело) и частичные (обычно состоят из головы, лап и хвоста). Вместе с частичным фурсьютом носят одежду, соответствующую стилю персонажа.

Также существует более редкий вид фурсьюта «квадсют», в котором передвигаются на четырех лапах. Эти фурсьюты изображают более зооморфных персонажей, известных как «ferals». Передвижение на четвереньках достаточно неудобно из-за несоответствия человеческих и звериных пропорций – это одна из причин редкости подобных фурсьютов.

Отдельные детали съюта также могут быть изготовлены по различным технологиям и с использованием различных материалов.

Материалы

Главным материалом любого съюта является искусственный мех – из него шьется тело, обычно в виде комбинезона, лапы (фурчатки) и хвост. Мехом покрывается голова.

Современная текстильная промышленность выпускает много видов искусственного меха разных цветов, длины ворса и фактуры. Существует мех монотонной окраски, а также реалистичный, имитирующий расцветки реальных животных. В зависимости от типа костюма, а также от описания персонажа, подбирается соответствующий вид меха. В среднем, на полный костюм необходимо 4.5 метров меха.

Для изготовления каркаса головы и других объемных деталей часто используют поролон (пенополиуретан). Это легкий материал, который можно обрабатывать простыми инструментами.

Детали можно склеивать термопластичным клеем, с использованием специального термопистолета. Термоклей не имеет растворителя, а значит, и едкого запаха – при работе с ним дополнительных средств защиты не требуется. Для склеивания пластика, металла, ткани применяются другие типы клея.

Также, для каркасных деталей применяется технология папье-маше, из бумаги, или литье из специальных компаундов. Однако такая технология довольно сложна в исполнении. Ее применяют только опытные мастера, которые работают над созданием реалистичных съютов.

Прочие материалы, необходимые для фурсьюта, – это резина, подкладочная ткань, листовой пластик, сетка, проволока, крепежные элементы, краски и многое другое.

Все эти материалы можно найти в магазинах и на рынках крупных городов, или заказать через Интернет.

Конструкция фурсьюта.

Полный съют состоит из тела-комбинезона, хвоста, головы, нижних (задних) лап и передних лап, именуемых фурчатками.

Самая сложная часть – голова. Существует много технологий изготовления основы головы. Основа должна быть достаточно точной в скульптурном плане, сохранять форму, быть относительно жесткой.

Обычно детали основы вырезаются из поролона и склеиваются термоклеем, с встраиванием каркасных элементов из пластика. Ушам, щекам, надбровным дугам придается нужная форма, и они прикрепляются

к базовой части, обычно выполненной в форме купола.

Более сложная технология состоит в том, чтобы слепить мастер-модель из глины или пластилина, сделать негативную форму и по ней отлить из пластика-компаунда детали. Такой вариант применяется для изготовления сложных реалистичных фурсьютов, когда необходимо точнее повторить форму головы.

Глаза тоже могут быть сделаны несколькими способами. Обычно для зрачка и радужки используется пластиковая перфорированная сетка или вышивальная «канва». Через такие материалы можно нормально смотреть, поэтому зрачки располагаются на уровне глаз человека. Основа плоского глаза может быть сделана из листового пластика. Другой тип глаз позволяет создать «следающий эффект» – иллюзию поворота взгляда фурсьютной головы в зависимости от угла, с которого на нее смотрят. Такие глаза делаются из пластиковых шариков, отливаются из эпоксидной смолы или также выполняются из листового пластика. Существуют и головы, в которых не предусмотрено глаз, а имеются только отверстия, через которые просматриваются глаза человека. Этот тип называется «own eyes head».

Нос может быть выполнен из силикона, флиса, пластика и других материалов.

Зубы можно сделать из термоотверждаемого пластика и даже специальных стоматологических материалов. Внутреннее оформление пасти (язык и др.) выполняется из ткани, мягкого флиса или также силикона.

Если нужно сделать подвижную челюсть, которая движется вместе со ртом человека, то необходимо встроить жесткий каркас и резинки для возврата в исходное положение.

Голова покрывается мехом, на морде ворс иногда частично сбивается для придания необходимой длины.

Для комбинезона строится выкройка, в которую закладываются особенности телосложения человека. Комбинезон с прямыми, антропоморфными лапами почти ничем не отличается от обычных комбинезонов, но если лапы должны повторять форму звериных конечностей, то в комбинезон встраиваются дополнительные объемные элементы из поролона. Комбинезон должен быть достаточно свободным для совершения активных движений, но при этом не быть мешковатым.

Лапы-фурчатки сшиваются из того же меха, что и комбинезон, для них делается выкройка по размеру руки. Подушечки можно сделать из искусственной кожи, флиса или силикона.

Задние лапы должны обладать прочной подошвой, если в фурсьюте предполагается гулять по улице. Для подошвы можно использовать обувную резину или материалы, применяемые в различных ковриках.

Основа лапы выполняется из поролона и покрывается мехом. Когти, если они нужны, изготавливаются из пластика, но не должны быть острыми в целях безопасности.

Хвост простой формы можно сделать на поролоновой основе либо набить синтепоном или другими пухообразными материалами. Обычно для хвоста применяется мех с более длинным ворсом. Зачастую хвост крепится на ремне.

Голову можно оборудовать вентилятором, различными системами для световых эффектов. Иногда в фурсьютах встречаются электромеханические (аниматронные) устройства, такие, как подвижные уши, хвосты и даже веки глаз. Реализация таких систем сложна, а их использование в уличных условиях бывает непрактично из-за хрупкости. Несмотря на это, движение может сильно оживить вашего персонажа.

Более подробно технологии изготовления фурсьютов описаны на специальных сайтах и в блогах известных фурсьютеров.

Фурсьютинг в России и СНГ

В настоящий момент некоторые русскоязычные фурсьютеры тоже делают съюты на заказ. За последние годы были созданы сообщества для обмена информацией и опытом и специальные сайты на русском языке.

Однако изготовление фурсьюта и приобретение материалов до сих пор обходится в России весьма недешево, и, с учетом общего низкого уровня жизни в нашей стране, не каждый фуррь может это себе позволить. Самой большой проблемой является поиск материалов, удовлетворяющих требованиям фурсьютеров к качеству или к расцветке. Например, искусственный мех редких цветов может вообще отсутствовать в большинстве городов страны. Это часто вынуждает мастеров заказывать материалы из других стран, что добавляет к цене еще и доставку.

По причине высокой стоимости изготовления на заказ, многие фурри предпочитают делать свой фурсьют самостоятельно, придумывая конструктивные решения прямо в процессе работы. Большую помощь в создании собственного костюма могут оказать обучающие материалы (тutorials) от зарубежных фурсьютеров, где достаточно подробно расписаны технологии по отдельным частям или по изготовлению фурсьюта в целом. Из национальных особенностей можно отметить то, что у российских съютов редко встречаются «следящие» глаза – в основном применяются плоскостные. А большинство голов сделаны из поролона, поскольку работа с ним значительно проще, чем, например, с компаундами. Среди комбинезонов преобладает прямой крой, без зооморфизма в конечностях. Конструкция хвостов тоже достаточно простая: это либо «мешок», либо поролоновая основа, склеенная по нужной форме. В основном используется мех белорусского производства,

т.к. он дешевле, чем импортный, хоть и обладает более низким качеством. Дорогостоящие материалы применяются редко и заменяются аналогами. Таким образом, из-за нашей национальной специфики, фурсыюты стараются сделать максимально простыми. В этом их технологическое отличие.

Конвенты и встречи

Сегодня в мире насчитывается много тысяч фурсыютеров. На крупных конвентах проводятся масштабные фурсыют-парады.

За прошедшее время накопилось огромное количество фотографий с фурсыютных встреч, крупных конвентов и других событий, связанных с ношением таких костюмов: от любительских снимков до профессиональных работ. Созданы международные фотогалереи. Была даже организована всемирная база данных по фурсыютам, куда можно занести информацию о своем костюме и фотографии (db.fursuit.me).

Все больше снимается любительских и профессиональных видео с участием фурсыютеров. Это могут быть как съемки прогулок, так и масштабные игровые фильмы. Это творчество, несмотря на прикладной характер, является существенной частью современного фурри-искусства.

В нашей стране встречи съютеров проходят реже, и число участников обычно меньше, чем за рубежом. Фурсыютные прогулки проходят в городских парках, на набережных, пешеходных улицах и других общественных местах. Некоторые фурри любят гулять в фурсыютах на природе, особенно, зимой, когда температура позволяет проявить большую физическую активность. Отдельным фурсыютерам нравится фотографироваться в необычных местах: в заброшенных зданиях, на фоне техники, транспорта, и даже с самолетами.

Обычно в городах фурсыютеров воспринимают хорошо, радостно, особенно на общественных территориях. Естественно, особое внимание к фурсыютерам у маленьких детей.

Подводя итог, можно сказать, что между российскими и иностранными фурсыютерами нет никаких существенных различий. Для фуррей границы не важны, т.к. все мы являемся частью одного сообщества. Надеюсь, что в дальнейшем фурсыютинг будет активно развиваться и в России, а это развитие будет сопровождаться освоением новых технологий и совершенствованием мастерства фурсыютеров.

PolarLight <polarlightwolf@gmail.com>

Январь 2013 года

В будущем, мы надеемся продолжить тему фурсыютинга и дать более подробное описание технологий, со схемами и примерами. А также предложить подборку Интернет-ресурсов по этой теме.

Поэзия и проза

Аметист Аррстар

darrkkar@yandex.ru

В дополнение к разделу автора в альманахе, на диске MRFF в папке «Аметист Аррстар» размещен рассказ представленного автора «Три дня». Рекомендуем ознакомиться как с рассказом на диске, так и с его стихотворениями.

* * *

Оторви мои крылья,
Насладись сладкой мукой,
Говоришь, они были?
Разгони свою скуку,

Ну же, дергай смелее,
Что стоишь? Ну, давай же,
Мне не будет больнее,
Ты кричишь: Улетай же!

А куда и зачем?
Небо с виду блее,
А поближе мрачней,
Ну, давай же, смелее,

Я летать не могу,
И не в силах подняться,
Полететь? Но к кому?
Все мечты испарятся,

Так зачем мне они?
Крылья... Думаешь легче?
Та же грусть для души,
Сильнее лишь шепчет,

Лишь ударят больнее,
И ты вырвешь их сам,
Лучше сделай быстрее,
Разорви по кускам...

Тихий смех мой, мне грустно,
Ты стоишь? Что, не хочешь?
Больше масок не нужно,
Неужто не сможешь?

В свет не верю уж боле,
Насладись, ты же хочешь,
Вкусом, запахом крови.
Оторви же, ты сможешь,

...

Нет во мне больше боли...

Свет луны

Свет луны замерз кусочком льда,
Коснувшись зеркала драконьего крыла,
Где-то в эту ночь любовь витает,
А кто-то покидает навсегда,
Быть может, тот кусочек льда растает

А место на крыле займет огонь,
И коль случится так, кто знает?
Любовь та обернется в боль.
И ночь свидетельницей станет
Столь безответной той любви,
Быть может снег в душе еще растает
Рассвет быть может впереди.

Жертва

Люблю тебя, что сводит крылья. И все равно понять я не могу,
Как до такого мы дожили. Что в сердце боль и не унять тоску.
Внутри меня пылал огонь, лишь нежный смех коснется ушка.
Душой от взгляда замирал, но больше этого не нужно.
Люблю тебя, но нам судьбою вместе быть не суждено.
Всегда, всем сердцем я с тобою, хоть в боль оно погружено.
Ты не сердись, все не напрасно, познал я лучшее из чувств.
Желаю я тебе лишь счастья, «прости» — срывается из уст...
И пусть сердца забьются в унисон...

* * *

В клубок свернувшись в уголке,
Спрятав мордочку под брюшком,
Слышит он как вдалеке,
Звезды шепчут, одним ушком
Дергает он иногда, урча
Тихо, нежно, не спеша,
Погружается он в сон,
Ветер дышит в унисон,
Треплет, гладит его гриву,
Месяц блещет так игриво,
Ласково он улыбнется,
Сказкой сон пусть обернется,
А пока дракоша спит,
Солнце день уж озарит.

Банзай

unreal-Prey2@yandex.ru

Привет! Добро пожаловать! Скорее заходи!

Мы лагерь с 18-ти до 27-ми.

Попали в странный лагерь вы, здесь правит лишь абсурд.

Квадратное катают здесь, а круглое несут!

О многих фактах прошлого вам лучше умолчать,

А то вас просто-напросто здесь могут не понять.

Не действуют законы здесь, забудь своё лицо.

Лишь помни главный принцип: он — начальник, ты — ничто.

Ваш день расписан полностью, с минут и до минут,

А коль не успеваете — по шее надают.

Освойте профессии, с базуки до метлы.

Научитесь спать в свете дня и бдить с приходом тьмы.

Из вашей светлой головы повыбьем мы всю дурь.

Получите вы звание — Универсальный Фурь.

Когтями режете металл, хвостом метёте плац,

А роль подхвостья вашего — мишень для игр в дартс.

Вам плохо? Вы простужены? — Дадим вам анальгин.

От ран, расстройств, нервозности лишь он спасёт один.

На вас летит рой недругов, у вас — 1 патрон.

Задачу нужно выполнить, патрон вернуть потом.

Вожатые здесь строгие, не надо их дразнить!

Дать больно могут по носу и выговор влепить.

Вы всё переосмыслите и будете любить.

Семья, друзья, конфеты, жизнь — их станете ценить.

Ваш поезд движется в туннель, длиной примерно в год.

В конце туннеля виден свет — билет на волю ждёт.

Приятен он на ощупь, и как паспорт он на цвет.

И вот вы получаете военный свой билет.

Простите, но мне кажется, вперёд заплыли мы.

Хвосты прижмите лапами покрепче. Впереди

Работа в новом графике, с рассвета до зари.

Мы лагерь с 18-ти до 27-ми.

Подопечный (отрывок)

Часть первая

Огонь полыхал позади. Коридор был заполнен дымом, было трудно дышать. Шерсть была опалена, на минуту назад пушистый хвост было страшно смотреть. Особенно болели пальцы ног, которым пришлось несколько секунд соприкоснуться с раскалённым полом. Только способность к большим прыжкам позволила преодолеть этот адский участок. Болело также и плечо, которым приходилось вышибать дверь за дверью.

– Как хорошо, что у них тут нет бронированных дверей! – подумал Чинк. – Тогда б толку от меня было мало.

Было осмотрено уже четыре квартиры, но ребёнка нигде не было. Благо, они были маленькие и похожие одна на другую. Каждая состояла из одной комнаты, санузла и крохотной кухоньки. За эти секунды уже успела выработаться система – в комнату, заглянуть в шкаф, под кровать, за ширму и ещё какое-нибудь место где, предположительно могла спрятаться маленькая, перепуганная девочка; затем мельком заглянуть в санузел, там спрятаться было негде; на кухне – похожим образом. Затем опять в коридор, выбивать очередную дверь.

Время поджимало, огонь стремительно продвигался по коридору. Дым уже успел проникнуть в помещения, но, пока, серьёзно в них видимость не затруднял. Пятая по счёту квартира, снова комната, шкаф – в нём, как обычно, только ворох одежды, с кровати до самого пола свисало покрывало. Долой его! ВОТ! Из-под кровати испуганно выглядывала заплаканная человеческая девочка. Увидев здоровенную, обгоревшую, зелёную белку, она перепугалась ещё сильнее и закричала.

– Не бойся, маленькая. Я тебя не обишу! – как можно ласковей попытался успокоить её Чинк.

Но после трансформации его речь звучала сильно искажённо, со свистом и щелчками. Даже друзья-антропоморфы из убежища не сразу приловчились разбирать, что же он хочет сказать. Что уж говорить о маленьком, до смерти перепуганном ребёнке! Дитё лишь попыталось глубже залезть под кровать.

Тем временем комната заполнялась дымом. Сообразив, что надо действовать, Чинк резким движением отбросил кровать, схватил

замершую от ужаса девочку и прижал к себе. Она не сопротивлялась.

О возвращении обратным путём не могло быть и речи! Огонь уже пробирался в жилище. Но теперь, когда самое главное уже сделано, выбраться особого труда не составляло. Чинк открыл окно, разбивать не стал даже в этой экстренной ситуации, он панически боялся порезаться стеклом до крови. По этой же причине он совершил большую глупость – вместо того чтобы проникнуть на нужный этаж через одну из квартир, до которых огонь ещё не добрался, он прыгнул в окно, ведущее в горящий коридор, потому что в нём уже не было стекла. Перед этим он извалился в луже, но это всё же не смогло полностью защитить его от ожогов, а шерсть на пушистом хвосте обгорела почти полностью. К счастью, сам хвост вроде как сохранился – шевелить им получалось. Боль он чувствовал совсем не такую сильную, какая ожидалась бы от таких ожогов, но это, скорее всего, из-за шокового состояния.

Сегодня его прогулка по лесу снова привела его к городу. Он, само собой, соблюдал все предосторожности, каким научили его друзья, но подходить к самому краю леса было очень рискованно. Люди с антропоморфами шутить не любили. Поймать или уничтожить – вот был их принцип при контакте с одним из трансформировавшихся. Но посмотреть хоть издали, с верхушки одного из деревьев на краю леса было очень любопытно. Сначала Чинк был осторожен. Даже близко боялся подходить к границе леса. Но потом, когда изо дня в день ничего не происходило, он всё ближе и ближе подходил к границе. Люди в лес заходить боялись, а когда происходили облавы, это было слышно за километр, и уйти не составляло труда. Неудивительно, что за всё время его пребывания в этом мире, никто из его новых друзей не был пойман. Единственное неудобство, которое они причиняли – это разорение некоторых убежищ с припасами еды, которую добыть было не так-то просто. Таким образом, расслабившись, Чинк, в конце концов, осмелился вообще подойти к краю леса. И вот он частенько стал наблюдать за городом.

Правда, со временем это занятие наскучило. Люди к кромке леса не подходили, а разглядеть издали получалось лишь отдельных пешеходов да автомобили. Но только не сегодня! В этот день на глазах опять начинавшего скучать наблюдателя произошло ЧП. Из окон первого этажа одного из зданий повалил дым, жители высыпали на улицу. Тут уж Чинк не утерпел и решил приблизиться к центру событий. Как он и предполагал, внимание всех было обращено на горящий дом, и подойти незамеченным получилось.

А тут развивались события прямо как в кино. Большинство жителей дома стояло и обеспокоенно смотрело на пожар. Но тут к ним, почти бегом, приблизилась пара – мужчина и женщина. Они кинулись было к

дому, но прохода не было. Женщина стала причитать. Из её слов стало ясно, что там остался ребёнок. А пожарных всё не было.

Голос женщины выражал такое отчаяние, что решение помочь было принято автоматически. Он бросился к ней. Люди в страхе расступились. Супруги же даже не заметили его сразу.

– Эташ! Какой эташ? – спросил он у них, изо всех сил стараясь чётко выговаривать слова. Но всё равно, буквы «Т» и «К» звучали как щелчок, а «Ж» напоминало «Ш» и вообще звучало как свист. Они уставились на него, совершенно не понимая, что происходит.

– Какой эташ? Кте она? – снова повторил он. Женщина наконец поняла, что им предлагают помощь, и прошептала:

– Третий.

Чинк рванулся к дому. Она ещё что-то крикнула вдогонку, но он уже не слушал, а зря, – ему бы указали окно квартиры.

Тут он осознал, что сейчас ему придется проникать в дом, разбив собою стекло. Страх порезаться тут же лишил его решимости. Фобия, бывшая у него с детства, после трансформации, сделавшей его более эмоциональным, многократно усилилась. Ища альтернативу, он стал лихорадочно бегать взглядом по зданию. И заметил, что на нужном третьем этаже несколько окон с торца здания были выбиты, но там полыхало пламя. Страх перед кровью мгновенно пересилил страх перед огнём. Он кинулся в находившуюся рядом лужу и изрядно в ней извалялся. После этого прыгнул в горящее окно. На его счастье, оно вело не в комнату, где он бы не смог в огне сориентироваться, а в коридор, идущий через всё здание. Совершив несколько прыжков в длину, он выбрался из пламени. К счастью девочки, до её двери пожар на тот момент не успел добраться.

И вот, открыв окно, из-под подоконника которого стали уже появляться языки пламени, Чинк выпрыгнул, прижимая к себе спасаемую. Прыжки с высоты были одной из его новых способностей, поэтому приземление прошло успешно. Он сразу заметил родителей, стоявших ближе всего к дому. Одним скачком он преодолел расстояние, их отделявшее, и протянул им ребёнка. Девочка сразу потянулась к маме, и та взяла её на руки и крепко-крепко обняла. Отец тоже подошел и обнял их обоих. Чинк стоял и смотрел на эту сцену.

Постепенно его напряжение спадало. Теперь он ощутил боль. Обожженные участки тела дали знать о себе. Вместе с тем он заметил, что остальные люди смотрят на него с опасением.

Пора было уходить. После случившегося он не ожидал, что ему кто-нибудь сделает плохое, но всё же... Превозмогая боль в лапах, он похромал в сторону леса. Не успел он отойти и на сотню метров, как послышался звук мотора и дорогу ему перекрыл автомобиль, напоминающий большой

джип. Из него высыпали солдаты, растянулись шеренгой и направили на него автоматы. Из шеренги вышел лысый чернокожий человек и, медленно, подчеркнуто чётко проговаривая каждое слово, громко сказал:

– Остановись и ляг на землю. Остановись и ляг на землю. Ляг лицом вниз. Руки положи за голову. Ноги расставь в стороны. Иначе мы будем стрелять.

Он стал снова повторять и повторять это.

Ещё в убежище Чинк обнаружил, среди прочих своих новых возможностей, способность по почти неуловимым телодвижениям, тону голоса, безошибочно определять, что чувствуют окружающие. Заметил он и эмоции этого человека. Они сначала показались ему странными, а потом и вовсе испугали его. Человек испытывал по отношению к Чинку жалость, смешанную с какой-то сильной внутренней душевной болью, но в то же время в нём чувствовалась железная решимость убить его, если сочтёт это нужным. Он явно не шутил. Чинк сначала недоумевал, как могут уживаться такие противоречивые чувства в одном человеке, а потом решил, что он – сумасшедший. Один из тех страшных маньяков, помешанных на охоте за пушистыми, про которых ему рассказывали друзья.

Этот страх, а так же боль и пережитое ранее, совершенно парализовали способность Чинка рассуждать.

– Йа ше ничивчиво не сттелал! Пошаааста отпустите! – только и смог он выдать из себя.

И стал обходить их, двигаясь в сторону.

– Стой! Не двигайся и ляг на землю. Тогда всё будет хорошо. Ложись. Ложись, а то мы будем стрелять.

Солдаты были очень напряжены, они в любую секунду были готовы привести угрозу командира в исполнение, но Чинк ничего не соображал кроме того, что ему страшно, и он хочет отсюда уйти.

– Стойте! Стойте, не стреляйте! Он не агрессивный! – раздался голос за спиной Чинка.

Он оглянулся. Это была мать той девочки. Она подбежала к Чинку.

– Не подходите! Это опасно! – прокричал командир.

Солдаты растерялись.

– Нет, он не опасен! Я точно знаю! Подождите!

Она вплотную подошла к Чинку, нежно и ласково с ним заговорила:

– Не бойся. Не бойся, миленький. Они ничего плохого тебе не сделают. Её тон успокаивал.

– Йя ничиво пплахова не сттелал. Са что? – сказал он ей.

Тут он не выдержал и заплакал. Звуки, издаваемые беднягой, представляли собой прерывистый свист и напоминали собачий скулёж. Она осторожно обняла его, стараясь не задеть ожогов, и стала гладить по

голове и успокаивать, говоря как ребёнку:

– Тихо, тихо, тихо, всё будет хорошо. Они тебя не обидят. Всё будет хорошо. Пойдём.

Одной рукой она взяла белку за лапу, другую положила на плечи и тихонько повела к машине.

– Ты не злой. Это сразу видно. Тебя непременно одобряют, и мы тебя заберём. Я обещаю, мы заберём тебя. Всё будет хорошо. Идём. Идём.

Они подошли к машине. Женщина отпустила его лапу и снова стала гладить по голове. Тем временем Чинк почувствовал, что ему надели большой и тяжелый пояс и пристегнули к нему передние лапы, на задние тоже что-то надели. Наконец на голову водрузили что-то вроде конской сбруи, туго стянув челюсти. Последнее причинило ему наибольший дискомфорт, и он снова было заскулил. Но командир преобразился – расслабился и совсем другим тоном сказал:

– Не волнуйся. Так надо. Это чтоб ты никого нечаянно не поранил.

– Мы вам сообщим, – сказал он женщине и сел на заднее сиденье.

Чинка подхватили под руки и погрузили в машину. Это причинило боль, и Чинк вскрикнул.

– Осторожно! Не усиливайте стресс. Успокоительное!

Чинк почувствовал укол в шею, и стало темно.

Часть вторая

Чинк пришел в себя. Он лежал на полу, на матрасе в небольшой комнатке, одна из стен которой представляла собой решетку. Окон в ней не было. За решеткой был коридор с другими такими же камерами. Матрас лежал у самой решетки. У противоположной стены, в углу, стояло ведро с крышкой. Ближе к решетке, висел рукомойник, под ним была раковина, и мыльница с куском мыла. Под рукомойником стояло ещё одно ведро. Больше там ничего не было.

Обожженные места болели, но не так сильно, как раньше. Ожоги были смазаны какой-то мазью, некоторые места были перебинтованы. Чинк попробовал было встать, но пальцы так болели, что долго стоять на них было очень трудно, поэтому он лишь привстал и посмотрел за решетку в коридор. В одну и в другую стороны, насколько можно выглянуть, тянулись такие же камеры, все они были пусты. От проделанных усилий Чинк почувствовал сильную усталость. Он лёг и снова уснул.

Разбудил его лёгкий, но настойчивый стук о решетку. С другой её стороны стояло три человека. Один был в белом халате. Он держал в руках медицинский чемодан, какие носят врачи скорой помощи. Двое крепкого телосложения были одеты в синие комбинезоны с поясами, к которым крепились дубинки. Один из них стучал ею по пруту решетки.

Увидев, что Чинк проснулся, белохалатник сказал:

– Доброе утро! Просунь, пожалуйста, лапки через решетку.

Он немного нервничал, но старался говорить ласково.

– Трасти – ответил Чинк, и стал выполнять распоряжение.

– Нет, чуть-чуть не так. Одну сюда, а другую сюда – сказал человек, подойдя ближе и показывая пальцем на два разных просвета между прутьями – вот так, молодец, и задние так же.

Как только Чинк это сделал, охранники надели ему на ноги и руки наручники. После этого один из них открыл двери, переступил через прикованного к решетке белка и, приподняв его голову, надел намордник. На этот раз челюсть была стянута не так сильно, как в прошлый раз. Тогда и остальные двое вошли в камеру таким же неудобным образом. Один охранник стал у изголовья, другой у ног, а тот, что в белом халате, присел за спиной у Чинка и стал рыться в чемоданчике.

– Что со мной путет? – обеспокоенно прочирикал Чинк сквозь намордник.

– Ну, сперва мы тебя подлатаем – уже более расслаблено и непринуждённо ответил врач.

– А потом?

– А потом тебя проверят. Не переживай, хвостатенький, всё будет хорошо.

Ответив, он начал смазывать ожоги чем-то, что выдавливал из тюбика.

– Потерпи, потерпи, – сказал он, заметив, что Чинк поморщился от боли.

Исчерпав содержимое одного тюбика, он достал другой и продолжил. Когда он обработал все доступные ожоги, в том числе полностью обгоревший хвост, охранники осторожно приподняли пациента сначала за плечи, потом за ноги, чтобы врач мог обработать нижний бок. Пока шла процедура, он задавал Чинку вопросы.

– Пушистик, а как тебя зовут? Моё имя, кстати, Райс.

– Чинк.

– Понятно, это прозвище в вашей стае. А как тебя звали до того, как ты изменился? Кто твои родители? Где ты жил?

– У меня проплемя с памятью.

– Хм, а ну-ка, проверим, насколько.

Он стал задавать разные вопросы, касающиеся этого мира. Чинк ответил в меру того, что смог расспросить у друзей.

– Да, если не врешь, потёрло тебе память конкретно. Ладно, лежи пока немного. Сейчас тебе принесут поесть. Кстати, ты кто по питанию: плотоядный, всеядный, вегетарианец?

– Всеядный.

– Ясненько. Жди.

Собрав чемоданчик, он, вместе с охранниками, опять переступив через Чинка, покинул камеру.

Этот распрос навел воспоминания...

Чинка, которого в миру звали Сергей, пригласили пройти практику в очень именитом НИИ, с последующей перспективой там работать. Это была великолепная возможность. Он явно недоумевал, чем обязан такому, внезапно свалившемуся, счастью. Среди обучавшихся с ним были куда более выдающиеся студенты. И никто из них, насколько было известно, даже в планах не держал там работать. Это должно было бы показаться подозрительным, но Сергей был так ошарашен этим предложением, что его даже не насторожила подписка о неразглашении всего, что увидит. Наоборот – его восторгу не было предела. Секретность – значит, что-то очень серьёзное, плюс, узнавшего секретные сведения, скорее всего, гарантированно оставят. Немного огорчало то обстоятельство, что к интернету доступа не будет весь период работы. Ну что ж, «Наука требует жертв!».

Окрылённый такими перспективами, он приехал на место своей практики, а более чем вероятно, и работы. То, в чём будет заключаться работа, превзошло абсолютно все его ожидания. В институте было сделано просто сенсационное открытие – открытие прохода в другие измирения! Другие миры были как почти точной копией Земли с небольшими отличиями, так и совершенно не похожими.

Причём было замечено – то, в какой мир откроется проход, зависит от предпочтений и симпатий проходившего. Например, убеждённые коммунисты попадали в мир, где СССР жил и здравствовал, а то и вовсе произошла победа «Мировой Революции». Это не означало, что можно было выбирать себе мир по заказу. Единственный затесавшийся в группу молодой учёный-любитель фэнтези попал не в край драконов и эльфов, а в мир, где наука осталась на уровне средневековья, но местные жители оказались подвержены мутациям, делавшим их кожу разноцветной, а так же видоизменявшим части тела, что делало их похожими на персонажей этого жанра.

Так уж сложилось, что среди работников этого учреждения не нашлось больше даже мечтавшего о контакте с инопланетянами. Вследствие чего были просмотрены биографии и характеристики студентов, обучавшихся в родственном направлении, с упором на увлечения. Увлечение Сергея антропоморфными персонажами (чего он не скрывал) показалось исследователям подходящим.

Наконец все инструкции и подготовка остались позади. Аппарат был настроен на организм Сергея, чтобы, по прошествии условленного времени, вернуть его из любой точки иного измирения – живого или

мёртвого. Во избежание второго варианта при Сергее было небольшое устройство, размером с фонарик, которое активировало аппарат на экстренное возвращение.

Всё произошло быстро. Вспышка света – и Сергей оказался в лесу. Деревья, на первый взгляд, выглядели вполне по-земному. «Антропоморфы, которых он так ожидал увидеть, в поле зрения пока не попадали. И он отправился на поиски. Конца-края лесу не было, после нескольких часов безрезультатных блужданий Сергей начал уставать.

Через некоторое время пребывания в этом мире у него возникло и начало набирать силу странное чувство. Непонятно откуда взявшееся и практически ни на чём не основанное ощущение, что он может хоть сию секунду начать превращаться в того, кем уже так давно мечтал стать. Он прямо-таки устал отмахиваться от этой сумасшедшей идеи. Наконец она переросла полную уверенность, и возникло просто нестерпимое желание начать прямо сейчас.

Он остановился. В голове возник образ его фурсоны (именно в голове, а не перед глазами, так как всё окружающее он видеть не перестал), причём не просто внешний вид, а и внутреннее устройство с полным пониманием, как будет функционировать каждый орган. Похожее на белку существо, с зелёным окрасом шерсти и головой как у белки-летяги (более круглая, чем у белки, с большими черными глазами и маленькими круглыми ушками). Немного поразмыслив, Сергей решил несколько изменить проект, так как в реальной жизни полностью соответствовать фурсоне создало бы некоторые трудности. Сделал глаза менее чувствительными к свету, в результате чуть худшее ночное зрение, но зато на ярком солнце он не будет слепнуть. А так же вегетарианский рацион заменил на всеядный, – кто знает, как здесь с добычей пропитания! Про то, что ему надо будет возвращаться в свой мир, и что он там будет делать в таком виде, если всё получится, он даже не подумал. Полностью довольный получившимся результатом, он мысленно приказал «начать». По всему телу прошло сильное покалывание, и... ничего не произошло.

Сергей был разочарован. Уверенность, что всё получится, была стопроцентной. Тут произошло то, чего он так ждал, но не превращение, а появление самого настоящего антропоморфа. Похоже, он уже давно наблюдал за Сергеем, но обнаружить себя решил только сейчас. Это был прямоходящий фенек, ростом примерно с Сергея, коричневого окраса с кремовым брюхом, передней частью шеи и подбородком. Кончик хвоста был белым. Он заговорил на чистом русском, правда звуки были немного искажены.

Интересно, что хотя миры были очень разными, в той местности, куда перемещался исследователь, говорили на понятном ему языке (не

обязательно на русском, например, если он знал русский и английский, то, как вариант, – встреча с англоязычным населением, причём даже в мире, где Англии и в помине нету). При всём при этом письменность могла быть совсем другой. От сохранившегося твёрдого знака после каждой согласной и буквы «ять», до совершенно незнакомых символов в роли алфавита и даже иероглифов.

Так вот, пришедший заговорил:

– Наконец-то ты стартовал! Я уже устал за тобой следить. Думаю: наш – не наш? Ну ты сам понимать должен – мы тут охотников опасаемся и всякому зашедшему человеку показываться не будем. Надо было только ушел от людей и сразу стартовать, а не нас искать. Ну да ладно, добро пожаловать! Значит, там всё без изменений. По-прежнему надо в лес бежать.

Сергей слушал этот монолог совершенно ошарашенный, хотя и очень ждал такой встречи. Когда эффект неожиданности немного притих, ошарашенность уступила место огромной радости, почти эйфории. Антропоморф это заметил.

– Я тоже рад тебя видеть. Мы рады новеньким. Что-то давненько никого не было. Что там у вас в большом мире происходит? А то у нас батарейки давно кончились, радио не послушать. Ты принёс батарейки? Ой, какой я невежливый! Даже не представился. Меня зовут Шэн, а тебя как?

Сергей хотел было сказать своё человеческое имя, но подумал:

– Раз всё получилось, и я стал изменяться, так что меня уже за своего безоговорочно принимают, то какой же я теперь Сергей?

И назвал имя своей фурсоны, которой становился:

– Чинк.

– Хорошо Чинк, давай уже идти домой, а то уже стемнеет скоро.

С этими словами он ухватил Чинка за руку и повёл сквозь лес. Вскоре солнце село и вправду начало темнеть. Но в темноте Чинк видел уже лучше, или это ему так казалось? По дороге им встретились ещё антропоморфы. Они, все как один, обрадовались новичку. Некоторые пошли вместе с ними, а другие помчались к остальным сообщать новость. Когда Чинк с сопровождающими добрался до убежища – поляны с вырытой землянкой – там их уже ждали все – около сотни самых разнообразных фуррей. Цвет их разглядеть было сложно, так как, вопреки ожиданиям Чинка, огонь на месте прибытия не горел. Все наперебой стали приветствовать новоприбывшего и расспрашивать, как там дела на «Большой земле». Когда узнали, что сказать Чинку нечего, очень удивились и разочаровались.

– Эх, а мы-то думали новости узнать. Какая сильная потеря памяти! И как быстро произошла! Почти сразу, – сказал лис.

Он убежал куда-то и через минутку вернулся с газетой. И фонарём.

– А ну, прочти, что здесь написано. Сейчас подсвечу!

Символы, которыми была испещрена газета, были совсем не похожи на русские буквы. Увидев растерянность Чинка, он сказал:

– Да, тяжелый случай. Такое иногда происходит, но обычно постепенно, за довольно длительный срок, а ты, если верить Шэну, стартовал полчаса назад! Впервые такое встречаю!

Остальные разными звуками выразили своё удивление и сочувствие. Про то, что он вообще из другого мира, Чинк решил умолчать.

– Не хватало ещё, чтоб они меня за сумасшедшего приняли! Пусть уж лучше думают, что у меня амнезия.

Шэн поспешил успокоить:

– Чинк, но ты не переживай! Читать снова научим и по остальному, чё забудешь, ликбез устроим. Нам не впервой – ты тут такой не один забывашка. Правда, по быстроте забывания ты впрямь побил все рекорды!

Дальше продолжил говорить лис. Который, судя по тому, как к нему все прислушивались, был здесь главным.

– Тогда, наверно, у тебя память очень хорошая быть должна в конечном варианте. Как, есть у тебя в проекте что-нибудь такое?

– Да, у меня должна быть хорошая память на местность, чтобы в лесу хорошо ориентироваться.

– Ого, это какой же объём у этой памяти быть должен, чтоб такая быстрая её чистка пошла?! Ты наверно, каждое дерево, где в лесу стоит, запомнить сможешь! Ну ладно, поживём – увидим. А пока располагайся, чувствуй себя как дома. Тебе предстоит тяжелый период. Процесс трансформации – штука неприятная. В какой вид трансформируешься?

– В белку. В зелёную белку.

– Ясно. Ты каким будешь: стопходящим или пальцеходящим?

– Пальцеходящим.

– Так, значит, ходить не сможешь. Но это не твоя забота. На время превращения за тобой будут ухаживать, пока весь процесс не завершится. Зея, найди ему спальное место, и составь завтра график дежурств по уходу за новеньким! – обратился он к стоявшей у него за спиной кошке.

Та кивнула.

– Ну, пора тебе, да и нам всем отдыхать. Отправляйся с Зеей, она тебя отведёт на твоё место.

В землянке, куда Чинка привела кошка, стояла такая темень, хоть глаз выколи! Только где-то далеко по сторонам тускло-тускло светились зелёные огоньки – фосфоресцирующие грибы, которые здесь использовали для освещения. Правда, Чинку их света хватало лишь чтобы заметить сами светильники, да сантиметра два вокруг них.

– Извини, но в светлом отделении мест совсем не осталось, – сказала она, увидев, что Чинк не может сориентироваться в темноте. Она взяла

его за руку. И, проведши дальше, уложила в некое подобие гамака.

– Приятных снов! – промурлыкала она на прощание.

Чинк долго не мог уснуть, обдумывая услышанное. Если из-за увеличения памяти стираются воспоминания, то дело плохо! Ещё не хватало забыть, кто он и откуда! Такая перспектива заставила Чинка принять решение вернуться.

На утро Чинк услышал от Ранэка, – так звали главного, что, до завершения трансформации, он свободен от всякой работы, и теперь его задача – ознакомиться с жизнью в убежище. Чинк тотчас же приступил к удовлетворению своего любопытства, расспрашивая о жизни в убежище, и вот что удалось узнать:

Практически каждый был занят, в основном добычей еды – охотились, собирали грибы, ягоды, съедобные корни. Другие готовили всё это для употребления или для длительного хранения. Готовили на огне только в ночную смену и только в безлунную ночь – соблюдали маскировку. В другие дни приходилось довольствоваться тем, что не нуждалось в приготовлении, или запасами приготовленного заранее. Третьи заботились о ремонте и уборке. Главные работали на равных со всеми, когда не было дел организационного плана. Каждому, кто был здоров, находилось дело. Чинк к таковым не относился. Поэтому вскоре был предоставлен сам себе.

Тут он вспомнил о решении вернуться. Этого ему не очень-то хотелось, но и забывать, кто он такой, Чинк тоже желанием не горел. Он достал устройство экстренного возврата и активировал его. Вспышка... и ничего не произошло. Неполадка! Повторять попытку было бессмысленно – устройство было одноразовое. Но тут вспышка повторилась. Ещё. Ещё. В институте зарегистрировали попытку и стали со своей стороны организовывать экстренную эвакуацию. Но всё бесполезно. Чинк оставался в этом измирении. Наконец попытки прекратились.

– Пробуют разобраться в чём проблема! – догадался Чинк.

Через некоторое время всё началось опять с тем же результатом. Так повторялось с перерывами целый день. В конце концов его, такого вспыхивающего, обнаружили друзья и позвали Ранэка и других. Чинку уже стало плохо от постоянных вспышек перед глазами, и он стал терять сознание. Его чем-то накрыли и отнесли в землянку.

Когда он пришел в себя, попытки прекратились. В институте, наверно, сдались. Ранэк с многими другими стоял возле подстилки, где положили Чинка.

– Что это было? У тебя в проекте есть электрические органы? – спросил лис.

– Нет, а что, такое бывает?

– Нет. Ничего подобного я ни разу не видел и хочу разобраться, что

происходит. Кому как не тебе знать собственное превращение?

Тут Чинк рассказал всю правду о том, что он из другого измирения, и вообще всю свою предысторию. А также, что его пытались вернуть назад. В доказательство он показал устройство экстренного перемещения и инструкцию к нему, набранную русскими буквами типографским шрифтом. Немного переварив всё это, лис сказал:

– Незнакомый язык, такой письменности у нас нет. Я вижу, что ты не лжешь, по крайней мере, искренне думаешь, что говоришь правду. Сказал бы ты это вчера, я бы решил, что это трансформация у тебя протекает с помутнением рассудка. Но, увидев всё это, я склонен тебе верить. Знаешь, после того как ты стартовал, даже хорошо, что ты остался здесь с нами. Процесс необратим. А, насколько я знаю людей, а, уж поверь, я их хорошо знаю, ничего хорошего тебя дома не ждёт.

Тут он ненадолго замолчал, задумавшись. Затем продолжил:

– Скорее всего, они тебя потеряли. Насколько я понял принцип действия, это произошло, потому что твой организм начал кардинально меняться и сбилась настройка на него. Я, конечно, не силён в метафизике, во всех этих путешествиях во времени и измирениях, но биология трансформации мне известна очень и очень хорошо. Я один из первых исследовал это явление, и если, как ты сказал, возвращение зависит от твоего организма, то его уже не найдут – в старом виде он уже не существует. Хотя внешне это почти незаметно, процесс пошел и затронул каждую клетку твоего организма. Так что твои шансы на возвращение равны нулю!

– Я теперь всё забуду? – спросил Чинк.

– Нет, скорее всего, не всё. Память на местность, обычно, не делает такой сильной амнезии. Но некоторые воспоминания ты таки потеряешь.

Вздохнув и положив лапу Чинку на плечо, он продолжил:

– Я сочувствую тебе. Потерять дом нелегко. Но попробуй сосредоточиться на положительном. Исполнилась твоя мечта, если не так, ты бы просто не смог стартовать – это активируется только у тех, кто этого очень желает. Ты попал к своим, здесь ты найдёшь заботу и понимание. Ещё раз добро пожаловать, Чинк из другого измирения!

Окончание второй части, а также дополнительные главы произведения, вы можете найти на диске MRFF этого года (в папке «Диск к Арфи2012 – Чинк»). Продолжение автор обещает по мере написания выкладывать в своем разделе на Furnation.ru: <http://chink.furnation.ru/>

Дженни

ask-editor@mail.ru

<http://jenni.furnation.ru/>

Небольшой рассказ для любителей сказочной романтики. Можно похвалить описательную часть за подробность передачи мыслей и чувств персонажей.

The Fox Way – Лисий путь (отрывок)

Голодные поиски

Наступил вечер. Как обычно бывает поздней осенью, с неба полил противно морозящий дождик. Холодные брызги мочили шерстку в неожиданных местах: вот большая капля приготовилась к коронному прыжку с высоты и... приземлилась на самую макушку. Уильям Фокс, не ожидавший такого самоуправства небес, недовольно повёл ушами, фыркнул и растёр прыгунью лапой. Шерсть неприятно намочила, и ветер не преминул возможностью проморозить и без того клацающего зверя.

«Почему именно в такие холодные дни адски хочется кушать?» – подумал лис, прислушиваясь к утробному урчанию.

Лапа легла на живот, совершая круговые движения, так в детстве мама учила расправляться с резью. Но животу не объяснить, что порядочные звери сейчас сидят дома, в тепле. И только живот Фокса обладает особой вневременной и внесезонной прожорливостью. Пусть хоть град, но придется бежать неизвестно куда, чтобы прекратить этот концерт.

Сладкий запах возник из ниоткуда, схватил чёрный любопытный носик и потащил за собой. Уильям едва успевал переставлять лапы, настолько пленил его божественный аромат. Завывания ветра, морозящий дождь и хлюпанье сырой земли под лапами ушли на второй план, главной целью стало отыскать источник запаха.

«Совсем близко...» – подумал лис, наполняя себя сладко-сдобным ароматом. Приличие не давало истечь слюнями вот так вот посреди леса. Приходилось отчасти держать себя в лапах. Кто-то явно испёк что-то очень вкусное, а главное... съедобное!

Хвост Фокса заходил ходуном в предвкушении скорого пиршества, но не тут-то было. Чёрный нос упёрся в оконную гладь стекла, за которым виднелся остывающий пирог с курицей. Да, такой вкуснятиной вряд ли кто поделится добровольно. Но не зря говорят, что «голодный

лис вдвойне хитрее сытого».

«Для начала надо узнать, чей это домик», – промелькнула здравая мысль.

Уильямотошёл от окна, разглядывая жилище неизвестного кулинара. Небольшая землянка, искусно оформленная красно-оранжевыми осенними листьями, радовала глаз. Около входа красовались две шишки – колонны, в которые заботливой лапой вставлены бусины – ягодки красной рябины. Окошки из обработанного и отполированного бутылочного стекла, в некоторых местах эклектически соединяющиеся в некоторое подобие витражей. Небольшой заборчик из сломанных веток деревьев, перевязанных мокрой от дождя прошлогодней осокой.

Что ни говори, а дом чудесный, не каждый зверь такое может позволить. Особенно стекло. В этом лесу люди не такие уж и частые гости: слишком отдаленное место, – поэтому подобные вещи приходится брать со свалки. Она появилась здесь совсем недавно, во времена дедушки Фокса. Тогда еще ему не приходилось ютиться в холодной и пустой норке, коротая время за вечным поиском еды.

Лис передёрнулся от воспоминаний, уж куда-куда, а в своё убогое жилище, глядя на эти хоромы, возвращаться совсем не хотелось. Да, к такому хозяину просто так в гости не заглянешь, можно и на драку нарваться, а рисковать хвостом ради пирога не очень хотелось. Оставалось лишь продолжить наблюдение в надежде найти другой способ, как попасть внутрь.

Странный хозяин

Фокс снова прижался к стеклу, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь помимо пирога. Маленькая кухонька пуста, видно хозяин отлучился, чтобы не ждать, когда пышущий жаром пирог остынет. Аккуратный деревянный стол накрыт, в свете лампы сверкает бок бокала, наполненного наполовину розовой жидкостью, скорее всего ягодным морсом. Тарелочка с витиеватой зелёной каймой и приклоненной к ней вилкой предназначена, видимо, для кусочка пирога.

«Прибор всего один...хм. Кажется, здесь живёт одиночка, значит, особых проблем не будет», – Лис лихорадочно соображал, как влезть в дом, не потревожив хозяина.

Вдруг по ту сторону окна показались кисточки. Они забавно пружинили в такт движениям зверька. От неожиданности Уильям споткнулся, сделав кульбит назад и приземлившись на хвост. Боль была адская, но выть не позволяла гордость. Пришлось взять себя в лапы, дабы не провалить еще не придуманный план.

«Белка. Да это же проще пареной курицы! Ворвусь в дом, схвачу

за пушистый хвост...и пирог мой. Пойдите, но что же это за белка, которая живёт в землянке? Такие особи редко надолго спускаются вниз, предпочитая высоты, успокаивающий скрип стволов и приятный запах хвои... Эх, умер во мне биолог», – Лис тихо посмеялся над мыслями.

Тем временем «белка» показала свой хвост – длинный покрытый короткой шерсткой «хлыст», оканчивающийся тёмно-коричневой пушистой кисточкой.

«Вот те на... Облезлая. Теперь понятно, почему белки живут именно на деревьях. На земле у них от гравитации шерсть обваливается...» – Фокс почесал за ухом.

Два зеленых глаза с удивлением уставились в коричневые глаза лиса. Большие расширенные зрачки следили за каждым движением незнакомца. Фокс стал топтаться на месте. Первое, что пришло ему в голову – побег. Но если и удастся убежать, то завывания в животе приобретут глобальный характер, и лис ненароком станет жертвой зверя, предпочитающего тишину. Всё, что остаётся – стоять на месте и следить за развитием событий, что собственно Уильям и делал.

Хозяин чудного домишки исчез. Через некоторое время послышалось шарканье за дверью. Скрип несмазанных петель пробудил лиса, выудив его из потока мыслей. Фокс показался на пороге, галантно склонив голову.

Его взору предстали маленькие мохнатые лапки, одетые в розовые тапочки с пампушками. Незнакомка тихо ойкнула, отступив внутрь дома. Лис последовал следом, увлекая за собой хозяйку и мягко захлопывая дверь.

– Извините за бестактность, мадемуазель. На улице так холодно и мокро, что, боюсь, там бы я не смог внятно объяснить вам причину такого неожиданного визита.

Фокс оценивающе разглядывал нечто, стоящее перед ним. Он никак не мог понять, что это за зверь, у которого кисточки, как у белки, хвост «лысый», а мордашка так красива, что явно не принадлежит никому из лесной братии. Тем более хрупкое, изящное тельце, закутанное в махровый халатик цвета малины, никак нельзя было назвать телом страшного хищника.

– М-м-м... Собственно, кто вы? – незнакомка гневно сверкнула зелеными глазами, воспользовавшись минутной заминкой лиса.

И тут Фокс вспомнил книжку, в которой он читал о таких созданиях, она называлась «Тысяча мурчащих советов или всё о кошках». Выходит, перед ним стояла самая, что ни на есть домашняя киса, которая невесть как оказалась в лесу, сумев выжить. Вот так встреча.

– Я... Я... Вы не узнаете меня? Я Уильям Фокс – ваш кузен... – лис надеялся, что сможет очаровать хозяйку, не смотря на то, какой бред он

несёт.

Кошечка долго молчала, рассматривая лиса, с которого ручьями стекала вода. Он настолько промок, что невозможно было найти хоть одну сухую шерстинку. Карие глаза незнакомца, казалось, умоляли её не выгонять незваного гостя обратно под дождь.

То ли лисье обаяние сыграло свою роль, то ли женская сострадательность и отзывчивость, но выгонять нахала кошечка не стала. Она лишь принесла большое полотенце в тон домашней одежды и протянула «кузену».

– Кажется, я вас вспомнила. Вы троюродный брат моего дяди?

Лис лишь коротко ответил: «Мяу». В родстве, конечно, он не силен, но незнакомка оказалась еще более неэрудированной в этом вопросе, поэтому удовлетворилась положительным ответом и в дальнейшие расспросы не вступала.

Фокса очень удивило странное поведение хозяйки, но так как с кошками до этого не приходилось иметь дело, то он счёл это нормальным. И со спокойной душой принялся сушить промокшую шерсть, с которой натекла уже приличная лужа.

Блаженная улыбка была символом победы в великом сражении за пирог с курятиной.

Окончание рассказа можно найти на диске MRFF.

Пушистый Новый год

Сияя в лунном свете
Пушистый снег идёт,
Шагает по Планете
Пушистый Новый год.
В стране моей волшебной,
В заснеженном лесу
Друг друга поздравляют
Лисица и барсук.
И оборотни-волки
На время приумолкли –
Встречает весь лесной народ
Пушистый Новый год.

Пусть всем, кто прочитает
Пушистый этот стих
Грядущий год подарит
Большой мешок любви.
Другой – не меньше – счастья
И радости в придачу,
Пришла пора поверить
И вам в свою удачу.
Всего одной лишь вещи
Взамен попросит он:
Дружнее в жизни будьте
И будет всё путём!

Серебряное небо

Как ярко! Снова небо в серебре.
Та ценность, что нам так необходима.
Я буду помнить: звезды светят всем,
Счастливым и беднякам нелюдимым.

Так ярко светят через темноту окна,
Глаза, что отражают свет лишь звездный.
Я знаю: где-то там она, как я, одна,
Нам встретиться сейчас еще не поздно.

Грущу сегодня я, ведь одинок.
Но ведь не я один грущу ночами.
Небесной дымкой, райский уголок,
Средь мглы нас вместе освещает.

Сквозь ночь тоскою соединены,
Тоскуем мы о том, что не случилось,
Что в эту ночь опять не вместе мы,
Что встретиться пока нам не сложилось...

Неровности строки меж тем пугают ум.
Смущает душу бесконечный звездный,
Путь сквозь ночную нескончаемую тьму.
И радует надежда, что не поздно...

Halista

halista@yandex.ua

<http://halista.furnation.ru/>

Интересный пример фанфика, который может прийти по душе поклонникам Соника. Помимо этого, данный рассказ все-таки немного большее, чем просто фанфик. В дополнение к альманаху, на диске MRFF размещен еще один рассказ автора – «Дневник одного персонажа» (папка «Halista»).

Вольный ветер

Чудное место, я бы даже сказала – прекрасное место. Оно сильно отличалось от моего родного дома, где все правильно и вычерчено. Где даже куст не имеет право расти так, как ему захочется. Своей дикостью это место было странно, необычно и нестандартно. Оно было неожиданно, непредсказуемо. Но скоро, очень скоро этому придет конец. Да, именно так. Захват-отряды и отряды особого назначения уже тут, и я вместе с ними.

Местные называют ее Мобиус, а мы – просто P9045LFV, что означает: планета по порядковому номеру 9045, есть жизнь, населена фуррями. Выродками, если быть точной. И их, этих выродков, грязных тварей, которые считают, что имеют право жить в этом мире, мы и ловим. Нет, ну вы видели сиреневых кошек, зеленых ежей. Птиц, не имеющих крылья, и летучих мышей, обладающих силой вышибать железобетон. Ненормально, глупо и нестандартно, так не должно быть, это против естества. Вот я Халиста, черный гриф. Окрас у меня черный, с белым лицом и серым клювом. Способности естественны. Крепкий клюв, мощные когти и огромные крылья, позволяющие мне парить, долго парить, острое зрение. И это нормально, это естественно, так все и должно быть. А все, что сверх того, должно быть убрано, уничтожено. Иначе, страшно даже представить, что может сделать выродок, обладающий силой атомного взрыва. Вот поэтому мы тут, элитный отряд особого назначения, дабы раз и навсегда искоренить эту заразу, иначе однажды она искоренит вселенную.

В моей голове прозвучал вызов, мыслесвязь, отличная вещь, всегда будешь в курсе событий. Долго я не копалась, я ждала, и вот очередная операция. С одним лишь отличием, эта операция впервые для нашего отряда далеко от дома, на чужой планете. Мы и раньше были на чужих планетах и в чужой галактике, но они соседние, а

эта очень далеко, только с помощью гиперпрыжковых систем можно добраться в эту забытую всеми часть вселенной.

Я быстро добралась до пункта сбора, облаченная в атомарный костюм. Еще одно полезное создание, да, именно, оно аморф, живое, настроенное только на меня и способное разрушать материю на атомном уровне. Каждый сам выбирает, как оно будет выглядеть. Мой атомарник сделан под старинку, да и модель старая, зато проверенная временем. В новомодных костюмах я просто не уверена. Напичканы непонятно чем, а свою прямую обязанность, защищать хозяина, делают хуже. Атомарник, в нераскрытом виде, имел форму желтого медальона с крыльями. При нажатии он становился шлемом с ушками, похожими на ушки филина. Покрытие фактически полное, только глаза и нижняя часть лица открыты. Дальше нагрудник, полностью скрывал не только грудь, но и живот. И боевые когти. Мои любимые, острые и никогда мне не изменяющие. А также наручи, с широкими щитками на тыльной стороне.

Яркое солнце слепило глаза. Моя позиция там, высоко. Главный нападающий должен находиться выше, и как можно незаметнее. Его задача – ждать сигнала. Выродки очень опасны и порой в одиночку могут положить целые армии. Поэтому были организованы наши отряды. Мы всегда работаем в команде из пяти фуррей. Только так можно захватить выродка. Погонять его, заставить метаться, действовать безумно, загнать самого себя в угол. Эта задача лежит на моих коллегах. Моя же финальная. На роль главного нападающего обычно берется птица с сильными ногами, острым зрением и умением стремительно, камнем падать вниз. Я подошла, меня приняли, обучили. Сейчас, паря высоко под облаками, я не спускала глаз с моих сотоварищей. Летели они стройно, красиво, одно загляденье. Чуть ниже меня летел наш командир, Каймон Гардарики, гриф-бородач, или ягнятник. Над самой землей наш отвлекающий, орел-скоморох Ишкуда Йенадизи, тот еще фрукт. За словом в карман не полезет, а воздушная акробатика у него просто фантастическая. Дэсти, птица-секретарь, шпион. Она бежала впереди всех. Да, именно бежала. Она отлично умеет летать, но почему-то предпочитает пешие прогулки. Идет она бесшумно, быстро и почти не слышно. Шелест травы скорее всего чудится, чем он есть. Она, как все секретари, крадется бесшумно, незаметно. Но главный наш информатор был не виден. Сейчас он собирал информацию и прочесывал лес далеко впереди нас. Хако Эйра Токара, или Рафл, как принято у нас его называть. Голубой Ара, биотехник. Его мономорфные шпионы-жучки были сейчас нашими глазами, ушами, нюхом. Сам Рафл летел где-то сзади, эдакий джокер в рукаве. Оснащенный пси-телепортом,

штукой чрезвычайно сложной в использовании, он мог в любой момент оказаться рядом.

Сигнал, крыло Каймона коротко мяукнуло (крылья грифов-ягнятников при полете издают характерный мяукающий звук – прим. автора), цель засечена. Группа перестроилась. Теперь первым летел Ишкуда, он вертел головой из стороны в сторону, старался поскорей увидеть врага. Я его уже видела, неясно, нечетко. Синее пятно, несущееся прямо на нас, похожее на летящую комету. Я внимательно всматривалась, покуда оно приближалось. Еж, синий еж,... стоп, почему я назвала его, синим? Это не синий, это классический голубой цвет. Не небесный цвет, не лазурный, не бирюза, а именно голубой, темный, густой, как морская вода. Наверно, поэтому он показался мне синим.

«Впереди по курсу, синий выродок, внимание, готовность к ситуации пятой степени, объект обладает большой скоростью, точных данных нет», – пронеслось у меня в голове, приказ командира. Он тоже назвал его синим, что ж, и многие с ним согласятся, многие, кто не рисует. Настоящий художник сгорит от стыда. Пятно тем временем приблизилось настолько, что я смогла его хорошо разглядеть. Ну и урод он, я вам честно скажу. Ежа я в нем распознала лишь потому, что изучала вырожденкизм, виды вырожденков, их расы. Внешне это создание было похоже на что-то странное. Огромная круглая голова, маленькое овальное тельце. На голове шесть толстых, как сардельки, колючек, заостренных на концах. И две поменьше на спине. Ручки-веревочки, огромные кисти рук. Ножки-палочки, с огромными ступнями. Короткий хвостик. Я поразились, как оно вообще может двигаться с такими пропорциями, а оно двигалось, и делало это с поразительной, для нормального фурия, скоростью.

«Кай, это ежик».

«Эта, – вмешался Иш, наверно, он уже заметил его, – эта фигура ежик, бедный, его долго били, или он только из трансформатора»

«Скоморох, не засоряй эфир, на нем тренируй свое красноречие, – спокойно ответил Гардарики, – Хел, значит, это еж?»

«А то, он самый».

«Народ, он близко, – прорезался голос Рафла, – вы готовы?»

«Всегда, – заверил его Каймон, – Иш, на первую позицию, готовься встретить гостя, Дэс, паси его как курочка цыплят, держись левее, я буду справа и сверху. Хел, глаз не спускать. Рафл, куда гнать этого ежика?»

«Давайте на северо-восток к ущельям, там удобная ниша, загоним, синий наш».

Игра началась, игра на чужом поле, но по нашим правилам. Ему

просто мягко, как будто он сам этого захотел, навязнут маршрут. Иш, в ярком, аляповатом атомарнике, рванул вперед. Благодаря своему зрению и картинке, которую Иш передавал по мыслесвязи, мы могли видеть все и быть рядом, когда надо. Я хорошо уже разглядела ежика. Из одежды на нем были красные кеды, с белой полосой и желтой пряжкой. Белые носки торчали сверху, белые перчатки. Руки, мордочка и брюшко бежевые, черный нос и...огромнейшие белки глаз, на все лицо. Сами глаза зеленые. Еж бежал беззаботно, словно прогуливался, было хорошо видно, что ему не стоит никаких усилий эта прогулка. Если верить данным жучков, то объект сейчас двигался со скоростью хорошего скоростного селектоида-машины. Йенадизи вынырнул из густой травы как раз перед его носом и описал в воздухе пару фантастических курбетов. Как и ожидалось, еж остановился, с любопытством рассматривая птицу в маскарадном костюме. Что-что, а все возможные воздушные трюки – это по части Иша. Йенадизи мысленно хихикнул, внимание обращено на него, проделал еще пару фантастических трюков и громко, с явным сарказмом в голосе хихикнул.

– Эй, уродец, спорим, ты слабак.

Еж лишь пожал плечами и собирался продолжить путь. Ишкуда описал пару курбетов и зычно проголосил:

– Угу, угу, чучундрё, – после поравнялся с заинтересованным и никуда не собирающимся пока убежать ежом и, прикрыв клюв ладонью, прошептал: – а кто-то утверждает, что умеет быстро бегать.

Резкий взмах, и Йенадизи уже на дереве, с ничего не говорящим видом.

– Ты о чем?

– Я, да так, один синюшный субъект просто улитка! – Он противно засмеялся. – Ты, да! А я нет, а еще, еще – ты дохлая черепаха, оттого такой цвет... мммм?

Иш выразительно повел бровью.

Еж усмехнулся, молодец Ишка, ежик клюнул.

– Говоришь, улитка, – искорки задора сверкнули в его глазах.

– Угу, или кто ты там, вас уродцев не поймешь, где тут перед, где...да ладно – он резко взвился в воздух, – шустрый, говоришь, так докажи! – И, не дав ежу опомниться, быстро добавил, набирая скорость: – обгонишь меня до северо-восточных ущелий, глядишь, поверю.

Еж еще раз усмехнулся, и сорвался с места, и, красиво обгоняя Ишкуда, прокричал:

- Я постараюсь не заснуть на финише, глядишь, дождусь.

Рывок, и голубая комета пронеслась с умопомрачительной скоростью.

Он быстро скрылся из виду. Тут же около Иша загорелся легкий голубой цвет, секунда, и около него материализовался Рафл, не сказав ни слова, он схватил скомороха и растворился в ярком свете.

Нам пришлось добираться своим ходом, изо всех сил налегая на крылья, благо ветер попутный.

«Объект доставлен», – отрапортовал Хако и тут же исчез со сцены действия. Перед нашими глазами появилась картинка. Ишкуда явно сидел на удобном выступе, на горизонте маячила голубая комета. Еж затормозил, у него был такой ошарашенный вид, словно беднягу только что оттянули чем-то тяжелым по голове. Видимо, он считал себя королем скорости. Синий стушевался буквально на секунду и тут же взял себя в руки. Секунды было достаточно, орел-скоморох лихой цветастой молнией кинулся на врага, словно собирался его порвать на части, наверное, этот ежик так и подумал. Он умудрился выскользнуть из его когтей. Когти смачно клацнули воздух. Странно, когти не металлические, но издают металлический звон.

– Слабак, говоришь, – хихикнул еж, строя гримасы.

– Так точно, синюшник.

Он принялся кружить и громко распевать дешевые, бездарные стишки, которыми так любил выводить врага из равновесия:

На кого же ты похож?

Ты уродец, а не еж!

Напрягуся я слегка,

Кину прямо в облака.

«Вы еще долго, народ, уйдет он, – произнес Иш по мыслесвязи, не переставая дразнить ежика, – Дэс, ади поскору (давай скорей – местное выражение, перевод предположительно с болгарского – прим. автора), тут клиент совсем посинеет».

Говоришь, что ты хитрее,

Всех умнее и быстрее?

Иш тебя разубедит,

Землю есть, тебе велит.

Ты синюшняя улитка,

Помер просто слишком шибко!

Грозно гляну и тогда,

Сразу дашь ты стрекача...

От таких слов ежик слегка споткнулся. Правда говоря, держался он молодцом, гримасничал, когда Иш его не доставал, хихикал, шлепал себя по тому, что, видимо, он называет попой. Вот только за этот уродливый жест я готова его порвать.

«Ребята, что ж вы ползете, – досадовал Иш, – я ж порву его, как беркут белку».

«Уже на подходе, Дэс на позиции, готов, выпад вперед и влево, оттесни к обрыву»

«Есть, кеп»!

Иш резко забрал влево, отрезая ежу пути к отступлению, он тут же среагировал, кидаясь прямо в когти Дэс. Птица-секретарь в сизоголубом атомарнике вынырнула, словно из ниоткуда. Мне уже была не нужна картинка Ишкуды, я отлично видела сама, как мощными ударами лап Дэсти оттесняет ежика к обрыву. Им стоило немалых усилий, чтоб блокировать все попытки ежа. Он был быстр. Но это узкое плато сильно мешало развить достаточную скорость. Он мог в любой момент слететь с обрыва в худшем случае, в лучшем – упасть в каменный мешок, откуда нам будет легко его поймать. Впрочем, чего мы и добивались. Я внимательно наблюдала за этой рискованной игрой. Иш отвлекал, голосил одну обидную реплику за другой, хохотал и просто сбивал с толку вихрем разноцветных красок, в которые был облачен. Если бы еж только знал, что Ишкуда никогда не нападет, его роль лишь пугать, он просто не умеет нападать. Дэсти наоборот, оставаясь в тени Йенадизи, она могла серьезно ранить и даже убить. Во время битвы, и без того излишне вспыльчивая, Дэс становилась мегерой. Оставался еще один игрок, Каймон Гардарики, который терпеливо ждал, когда еж окажется на краю каменного мешка. Заметила я и еще один малоприятный и очень странный факт. Еж, обладающий такой скоростью, мог легко скрыться и убежать. Однако он этого не делал. Я лично видела, как Дэс и Иш оставляли прорехи в блокаде. Он просто не мог их не видеть, однако, не воспользовался. Он играл, издевался, показывая всем своим видом, что это ему доставляет удовольствие. Он просто забавлялся! Нахальный, грязный выродок! Глупец, Кай подготовил ему сюрприз, главное дожидаться времени. Эта игра, в которой смеется тот, кто смеется последний.

Ишкуда сделал пару ложных выпадов, кажется, еж понял, что Иша не стоит бояться, однако все же ушел. Дэс блокировала, и о чудо, он на краю каменного мешка. Крыло Кая мяукнуло. Сильным взмахом крыльев он оказался около ежа, тот явно не ожидал третьего игрока на поле. Хлопок мощных крыльев ягнятника. Оглушенный еж еще пытался двигаться, он тряс головой и по инерции пытался убежать. Иш и Дэс прижали, метнулся снова в сторону Кая. Хлопок, еще хлопок. Наконец наглая улыбка была согнана с этого синюшного лица! Гардарики легко взмахнул своими острыми когтями и подцепил ежа, стаскивая его вниз...мой выход.

Как по команде я камнем рухнула вниз, заходя в тугой вираж, используя кончики крыльев в качестве оси вращения, я словно

сверлила воздух, ускоряя движение. Оглушенный еж упал на дно мешка, мне оставалось лишь прикончить его. Перед самым броском я выпустила когти вперед, готовая разорвать выродка в клочья. Мгновение, бедняга, он ведь так ничего и не поймет, мои когти клацнули, полосонув воздух. Не удержав равновесия, я села в тот же мешок. В голове вертелся лишь один вопрос: как? Как он смог уйти от удара. Вот он стоит, тяжело дышит, только плечо оцарапано. Его губы расплылись в улыбке, а в глазах зажегся недавно ушедший задор.

«Хел, отходи, – прозвучал в моей голове голос Каймона, – он в мешке, мы просто удержим его до прихода дополнительных сил».

Но я не слушала, не могла слушать этот приказ, эта улыбка, наглая и самоуверенная, неужели он просто не может представить, что может проиграть? Неужели он думает, что всегда выйдет победителем? Меня словно переключило. Сама не знаю почему, но мне до зуда в когтях захотелось доказать обратное.

Еж подпрыгнул, закручиваясь в шар, синий шар-комету, и, оттолкнувшись от стен мешка, принялся подниматься по спирали вверх.

«Хел, отставить»

«Вам его не удержать, он слишком быстрый», – процедила я сквозь клюв.

«Хел, это приказ, отставить», – решительно парировал Кай.

«Прости, думаю, ты поймешь»...

Кай еще что-то говорил, но я уже не слушала, не до того сейчас было. Я высоко подняла крылья над головой и обрушила их со всей силы. Несколько сильных махов мне хватило, чтоб догнать поднимающегося ежа. Сбить его сейчас я не смогу, не хватит скорости, да и место тут узкое, неудобное. Меня озарила идея. Я вспомнила, что, когда еж бежал, за ним развивался шлейф. Значит, его скорость достаточна, чтоб создать хороший воздушный поток. Главное в него попасть, главное поймать крылом.

Еж вылетел из мешка, словно комета, как я и предполагала, поймать и удержать его никто не смог. Не зря еж был так самоуверен, он слишком быстр для нас. Его нужно брать его же методом, а недостаток скорости компенсировать его же способностями. Взмах, я зависла над набирающим скорость ежом, крылья прижать. Вниз, камнем, так быстро, как не делала никогда в своей жизни...

Поток воздуха чуть не сбросил меня. Главное попасть в центр, ведь боковые завихрения могут просто оторвать мне крылья, я попала, резко раскрыв крылья и одновременно слегка отогнув их во внутренний летный изгиб. Это помогло сесть на поток, поток

толкнул меня и понес следом за этим вырождением, унося далеко от моих друзей, от моей команды.

Еж бежал не так быстро, быстрокрылый стрижен сейчас мог легко бы его обойти. Он обернулся, ухмыльнулся и весело спросил:

– Как звать-то?

Я лишь заскрежетала в ответ.

– Ладно, птица, прежде чем я убегу, я хочу узнать у тебя лишь одно: ты можешь поймать ветер?

– Ты спрашиваешь это у птицы? – надменно фыркнула я.

– Ладно, – усмехнулся он, – а можешь поймать вольный ветер?

Я лишь ощерилась, давая понять своим видом, что разговор окончен.

– Молчание – знак согласия, да? Тогда лови, птица.

Не знаю, хотела ли я еще что-то ответить, или просто уничижительно взглянуть. Не помню. Я помню лишь то, что меня что-то сильно толкнуло, вернее потянуло. Какая-то неведомая сила потащила меня собой. Могла ли я ей противиться, нет, все, что я старалась сделать, так это не зацепить края воздушного потока крыльями. Воздушный шлейф мощным потоком потянул меня за собой. В тот миг мне показалось, что пришла моя смерть. Видимо, еж бежал неровно, меня болтало из стороны в сторону. Я лишь благодаря чуду осталась с крыльями, успевая изогнуть их так, чтоб их просто не оторвало. Это была небывалая для меня скорость. Меня болтало и кидало из стороны в сторону. А весь мой завтрак начал проситься наружу. Сама не помню как, но я потянулась к атомарнику. Он мне мешал, сдавливал грудь. В какой-то миг мне показалось, что он весит несколько тонн и тянет меня вниз, в стремительную рвань завихрений. Резким движением я полностью отключила его. Свежий ветер ударил мне в лицо, разметывая волосы. Я как будто захлебнулась потоком, грудь сдавило, а желудок скрутился в тугий узел.

– Расслабься и получай удовольствие, – прокричал этот еж, – стань частью потока, слушай свое нутро.

А потом... Что было потом, могу ли я вспомнить тот момент, когда сама стала этим потоком? Частью той бешеной скорости, с которой меня тащило за этим ежом.

Скорость нарастала, все больше и больше, быстрее и быстрее. И самое поразительное, что мне понравилось. Я поймала этот поток, стала его частью. Меня охватило дикое безудержное счастье, я испытала непередаваемые чувства. Скорость, бешеная скорость. Ветер, вольный ветер, и я часть этого ветра, этого дурманящего потока. Мне хотелось петь, ликовать от радости. Я словно была пьяна этой скоростью. Всю свою жизнь я любила скорость, тренировалась, чтоб

летать быстрее и быстрее. И теперь, несясь в этом буйном потоке, я поняла: все то, что я называла быстрым полетом ничто по сравнению с этой скоростью. Моя мечта, моя безумная мечта становилась явью. Я не хотела, чтоб это ощущение полета кончалось. Несколько раз были моменты, когда я смогла бы его атаковать на поворотах, когда он вынужден сбросить скорость, а моя еще достаточна, чтоб нанести удар и не промазать. Удар когтями на такой скорости просто превратил бы ежика в одно сплошное месиво. Но я не хотела, я впервые не хотела поймать или убить выродка. Об этом всем я думала потом, а тогда...я просто наслаждалась полетом. Изгибая крылья и меняя положение хвоста, я легко поворачивала и проходила самые крутые повороты на немыслимой для меня скорости, которая, как спиртное, пьянила меня все сильнее и сильнее. Меня охватило чувство пьянящего счастья, я могу, могу лететь в этом потоке, могу испытать то, что никогда не испытывала ни одна птица Воздушного Королевства, я стала его частью, я сама стала вольным ветром.

Еж обернулся ко мне, блеснув ослепительной улыбкой.

– А теперь десерт, птица!

С этими словами он набрал еще большую скорость и понесся к каньону. Впереди маячил широкий овраг. Синий еж скатился в шар, увеличивая скорость, и спрыгнул с выступающего уступа, используя его как трамплин.

Блаженство, мечты о прекрасном, шелест свободного ветра в моих крыльях, просто счастье, эйфория, прекрасные ни с чем не сравнимые чувства, то, что нельзя передать, это нужно чувствовать, полет...

Когда я пришла в себя, еж стоял рядом. Я тяжело дышала, словно это мне пришлось бежать. А он, он просто стоял и улыбался.

– Молодец, птица, все-таки царцы не так безнадежны. Возможно, если то, что поняла ты, поймут многие, наши планеты даже станут друзьями.

«Друзьями», во мне начал подниматься вулкан негодования, и тут же затух. Недавние чувства были слишком сильны, увы, этот еж прав. Я поняла, многое поняла, а вот захочу ли я меняться, и как мне теперь с этим жить. Я лишь устало взглянула на ежика, и, кажется, он понял, о чем я думаю.

– Кстати, меня зовут Соник, ежик Соник, – ухмыльнулся он, – и если что, ищи свободный ветер, глядишь, и найдешь ответы на все свои вопросы, прощай, птица.

Синяя молния неслась вдаль, исполосовав на время местность хвостом голубой кометы.

– Халиста, – тихо прошептала я вслед, – Черный гриф Халиста.

Из моей груди вырвался вздох, тяжелый вздох. Я села на камень. Противоречивые чувства рвали меня на части. Одна моя суть требовала немедленно сделать все возможное, чтоб поймать ежа. Она осуждала меня, грызла изнутри, требуя исполнить свой великий долг, исполнить обещание, данное моему королевству. Другая суть – приводила весьма веские доводы. Они свободны и вольны делать то, что хотят. Они, эти выродки, они имеют то, чего нет у нас – свободу, свободу в своих мыслях, поступках и действиях. Тогда, сидя на камне и ожидая своих, возможно тогда я начала понимать, что не все так, как говорят на моей планете... Стоп, я не могу так думать, я верхний нападающий элти-отряда, я всю жизнь борюсь с выродками, и наставники великие и мудрые не могли ошибиться, поставив меня на эту высокую должность. Это соблазн, проверка. Меня передернуло от мысли, что на мгновение я поддалась. И тут же с тоской подумала, что ничуть не жалею. Но все же, это была просто минутная слабость, и я снова в строю. Успокоив себя этим, я принялась изгонять еретические мысли. Странно, почти получилось, но в груди, где-то глубоко, засел маленький червь сомнений...

– Верхний нападающий Халиста, как вы объясните свое поведение?

Передо мной стоял главнокомандующий разведки, наш шеф и мой наставник. Он был странным, его глаза были без зрачков, они слегка светились. Никогда не узнаешь, куда он смотрит. Каге Карасу Гайдзин, клинохвостый орел. А еще у него не было рук, с рождения не было, огромные крылья заменяли их. Он больше походил на свою расу, на ее истинную суть, на ее начальный источник. Таких называли высшими, мудрейшими и чистыми Царцами. Сейчас он стоял и смотрел на меня, ожидая ответа. Я чувствовала, как его взгляд впивается в меня. От него всегда хотелось бежать, скрываться. Но не в этот раз. Я лишь устало глянула и тихо спросила:

– Сэр Гайдзин, вы можете поймать ветер?

– Это глупый вопрос для птицы, – последовал надменный ответ.

– А вольный ветер?

Не дождавшись ответа и позабыв всякую субординацию, я медленно побрела к Мистериксу, кораблю-многоморфу. От бешеной скорости мои крылья ныли, но это была приятная боль, хранящая в себе еще те ощущения от полета, ощущения, когда мне удалось быть вольным, свободным ветром...

P.S. Особую благодарность хочу выразить сайту <http://tri-stihii.ucoz.ru/forum/> за идею и помощь в редактировании рассказа. Особенно пользователю Вшечка <http://tri-stihii.ucoz.ru/index/8-9>

Хильд

hild1984@yandex.ru

Это небольшое произведение мы решили поместить в выпуск как пример короткой сказки с хорошими языком и художественной выразительностью.

Сказка про улиток и теплый шарф

Это случилось в лесу. В лесу на самом кончике рыжего хвоста осени, там, где на нем появляются пятнышки снега. Старый Лес все меньше ворчал и скрипел, и все больше дремал. Даже листья не шуршали под лапками и лапами. Они утратили летучесть и ушли в землю. Сладким и вольным был воздух леса. После прогулки Мышь всегда хотела спать и сладко зевала. Иногда она даже выкраивала несколько минут для того, чтобы вздремнуть. И сны ей снились солнечные и желтые, легкие и невесомые. Одуванчиковые сны. После них Мышь просыпалась бодрая и довольная. Но сказка не о мышиных снах.

В то время, как весь лес разнежился и уснул в предзимнем покое, унытый тишиной, двое его обитателей спать решительно не могли.

Осенним вечером Мышь сидела в своем домике у озера, думала о первом снеге, прислушивалась к тому, что рассказывали ей прядки осеннего ветра, пробирававшиеся в дом между оконными переплетами и под порогом. Это были молодые и проворные ветренечки, глазастые, говорливые. Они нашептали Мыши, что по пути в лес видели Снег, но он немного отстал. Мышь поежилась от холодных прикосновений ветренничков, но дверь запирать плотнее не стала. Она была благодарна озорникам за добрые вести. От размышлений о грядущем Снеге Мышь отвлек тихий шорох за дверью. Кто-то очень робко просился в тепло и уют.

Кот приоткрыл дверь и увидел на пороге Улиточку, Улитку и Улита. Мышиное семейство обрадовалось друзьям, но и насторожилось: они же спать должны. Кот перенес улиток к столу, а Мышь заварила им ароматный чай с ягодами и листиками мяты и малины, принесла из кладовой головку сыра. Улитки пили чай, грызли сыр и благодарно качали рожками.

– Друзья, а почему вы не спите? Ведь зима почти. И так спать хочется, – любопытствовал Кот.

– Вот, в этом и беда, – грустно покачал рожками Улит, а Улита даже спряталась в домик от огорчения. – Мы не можем уснуть от холода. В нашей норке под корнями старого дуба всегда было много чудесной, палой

листья. В нее так тепло зарываться. Но вчера Улита решила проветрить перед сном жилище, и бродяга Ветер унес все листья... Как нам спать?!

– Не грустите, милые улитки, – вступила в беседу Мышь. – Поживите пару дней у нас. А там мы что-нибудь придумаем.

Как сказали, так и сделали. Мышь поселила улиток в чулане, в гнезде из лоскутков ткани. Там они и дремали, но заснуть не могли. Слишком привыкли к своей норке.

А на следующее утро Кот убежал куда-то с важным и таинственным видом. Бегал почти весь день. И вернулся только к вечеру с большим, но легким мешком. В мешке была шерсть обитателей Леса. Зайцы и волки, медведи и белки, полевки и сварливая росомаха – все они меняли шубки к зиме. А летние становились не нужны. Их-то и просил Кот одолжить, чтобы согреть улиток. И звери охотно соглашались. Старые шубки им были уже не нужны. Они торопились щеголять новыми. Даже красавица-рысь одолжила свою летнюю, солнечно-пятнистую шерстку. И весь следующий день Мышь вязала из шерсти белок и куниц, зайцев и лисиц, енотов и росомахи, волков и колонков длинный теплый шарф. С кисточками как у рыси. А чтобы шарф был уютнее, вышила на нем желтые солнышки. Пусть будет теплым, как лето.

На третий день Мышь закончила работу и позвала к себе улиток. Весь сон с них слетел. Они трогали шарф рожками и не могли поверить, что такой теплый и красивый шарф Мышь связала для них. А еще Мышь пришила к шарфу карманчики, куда улитки могли спрятаться, прежде, чем шарф завернут на зиму.

Кот подхватил мышь в теплой красной попонке, улиток в шарфе и отправился к их норке под корнями старого дуба. Оказалось, что окрестные белки щедро выстелили норку своей шерсткой и листиками, которые принесли из своих домиков. Норка стала лучше прежнего. Кот осторожно положил в норку сверток с улитками и промурлыкал:

– Спокойной зимы, маленькие друзья. Мы будем говорить о вас и ждать весны.

В ответ из свертка высунулись улиточки рожки, погладили лапку Кота и тут же спрятались обратно в домик под шарфом. Кот так и не понял, Улит это или Улита.

Кот и Мышь отправились в домик у озера, пить чай с вареньем и думать о зиме и о том, как хорошо помочь друзьям.

Даже если твоя беда кажется тебе большой, всегда найдутся те, кто готов сделать ее чуть меньше.

Кельт

zebra555@mail.ru

Здесь мы поместили отрывок фэнтези-повести с фурри-персонажами. Дополнительные главы можно найти на диске MRFF в папке данного автора. Повесть еще не завершена.

Время Крылатых (отрывок)

Череп трещал по швам.

Волны тошноты... нет, не волны, а, скорее, тяжёлый ледник тошноты медленно полз из желудка, грозя неудержимой лавиной. Открывать глаза Рохом боялся – мало ли... позавчера вон ведь как было. Кстати, а что было вчера?

Сначала было хорошо, потом явился Перк, стало лучше, потом... возмездие земное! Что потом?! Не помню... башка трещит... воды бы...

Рохом, ожидая худшего, ощупал голову. Голова была на месте и, вроде как, целой. Тогда он осторожно открыл глаза.

Глаза видели.

Видели они низкий серый потолок родной пещеры, тлеющую лучину, вставленную между камней и висящую над входом высушенную орлиную лапу: мёртвышам на страх.

Просто лежать и рассматривать до отвращения знакомый потолок было мучительно скучно. А если закрыть глаза?

Из багровой тьмы немедленно поползли корявые рожи, любоваться которыми у Рохома тоже не было настроения. Кроме того, созерцанию мешало что-то под правым боком. Обнаружив там деревянную ложку, он не удивился: после вчерашнего-то! Ложка полетела в угол пугать мышей, а Рохом осторожно приподнялся и сел.

Первым делом он коснулся ладонью носа. Сухой и горячий, впрочем, обычное дело с похмелья. Уши на месте, округлой формы и стоят торчком. Шея... Болит, если повернуть голову вот так и вправо, но это после дружеских объятий Перка. На то он и медведь, чтобы шея после него болела. Кстати, а чего он приходил? Ах, да! Первый день осени. И моё восемнадцатилетие.

Восемнадцать...

Он коснулся пальцами подбородка, щёк, пригладил длинные жёсткие усы.

– Я – Рохом, по прозвищу Ворчливый, снежный барс с северного склона горы Ташигау, что на хребте Быхар. Сын Росса Грозного и Райзы Серой. – сказал он сам себе.

Разгладив свой мягкий, светло-серый мех на груди и животе, Рохом, придерживаясь за стену, поднялся на ноги, затем огляделся.

Ночью ветром оборвало большой занавес из шкуры лирга, и теперь у входа в пещеру вырос сугроб. Очаг давно погас, ветер разметал по полу пещеры золу. Одежда?

Серые льняные сакаши были на нём, рубаха, найденная возле очага, была вся залита бурном, и Рохом забросил её в угол. Пошарив в большой корзине, что стояла в нише у изголовья его постели, он обнаружил там шерстяной салакаш и вязаную хурку. Обувь пропала бесследно, а искать старые охотничьи сапоги было лень, но пол выстуженной за ночь пещеры люто щипал подошвы.

Почему так болит голова, ведь выпили они совсем не много. Не то, что зимой.

Да, и бурн был не плох. На валериане.

Воспоминание о бурне ринуло Рохома вон из пещеры.

Его долго и мучительно рвало... лесными орехами.

«Дойра тоже приходила, стерва рогатая», – зачерпнув снега, барс тщательно утёр помятую физиономию и без сил опустился на порог.

С момента пробуждения Рохома не покидало чувство, что в пещере чего-то не хватает.

Или кого-то...

Топчан у стены был пуст.

– Рута? – с растущей тревогой, барс окинул взглядом жилище. В углу, за очагом стояло всего одно копьё. Его копьё. В нише над столом – всего одна кружка и одна глиняная миска.

– Рута!

Ответом была тишина.

Рохом сбросил крышку с плетёной из ивовых прутьев корзины, в которой она хранила свою одежду. Так и есть.

– Рута! – вновь позвал Рохом, и только теперь заметил, что исчезли травяная подушка и заячий плед.

– Рута... – потерянно повторил барс, уже не ожидая, что супруга отзовётся.

Чтобы прийти в себя и осознать случившееся, времени потребовалось немало.

Рохом долго бродил по леднику. Ветер трепал полы его старого салакаша. Небо, низкое, в пятнах, тяжёлое, будто намокшее брюхо снежного барса, неустанно сыпало сырým снегом.

Вконец иззябнув и промочив в ручье ноги, Рохом поспешил домой.

Бесцельно побродив по пещере, он остановился перед тесным закутком, в котором раньше Рута хранила силки.

Барс разворошил слежавшуюся солому в укромном углу, за гранитным выступом, запустил руку в глубокий тайник и в который раз почувствовал, как замирает его сердце, когда пальцы коснулись знакомого кожаного свёртка. Рохом вынул его из тайника и бережно пристроил на коленях.

Старая лиргова шкура вытерлась и местами истлела до дыр, но Рохом берёг её, как и всё немногое, что напоминало ему об отце и матери.

Мать он потерял восемь лет назад, в то самое ненастное слякотное предзимье, когда сошедшая со склона Мртау лавина накрыла ущелье Харто и погребла под собой шестерых охотников на уларов. Отец же... Рохом бережно распеленал свою единственную драгоценность: старый меч, с клинком в три локтя длиной, из серой, матово мерцающей стали.

Отца не стало ровно через год после смерти матери. Дождливим вечером, когда смертельно уставший после двухдневных охотничьих скитаний по горам барс готовил в родительской пещере густую похлёбку из непотрошённых кекликов, кто-то осторожно тронул ладонью занавесь у входа.

– Кто? – Рохом нащупал под салакашем охотничий нож.

– Я.

Высокий одноглазый волк в потёртой рысей хурке и таких же сакашах не стал утруждать себя приветствием и не назвал своего имени. Оставив, в знак добрых намерений, копьё у порога, он, хлюпая раскисшими чукашами, подошёл к очагу, некоторое время всматривался в насторожившегося барса, а затем спросил:

– Ты Рохом?

– Да, это я... – тихо ответил барс, чувствуя, как обрывается в неведомую промёрзшую пустоту его собственное сердце.

– Возьми, – только сейчас он заметил длинный свёрток в руке гостя. – Теперь это принадлежит тебе.

Волк тотчас ушёл в ночь. Навсегда скрылся за зыбкой сетью осеннего дождя и унёс с собой тайну. Рохом не стал развязывать кожаную тесьму и вскрывать свёрток, он и так знал, что в нём. Дождавшись рассвета, Рохом поднялся на ноги, вынул из ледника добытых накануне кекликов, собрал силки, взял тяжёлое копьё для охоты на лирга. Свёрток с мечом он бережно укутал доставшейся от матери песцовой хуркой и, сняв с очага давно остывший котелок, нерешительно замер на пороге вдруг ставшей ему чужой пещеры. Мир вокруг подёрнулся дымкой. В последний раз подобное происходило с ним, когда он был ещё котёнком, и уже тогда отец говорил ему, что горцы не плачут.

– Хорошо... – как и в детстве, выдавил непослушные слова Рохом. – Я не буду... Прощайте.

Завалив камнями вход в родительское жилище, барс навсегда покинул уютный южный склон Ташигау, и переселился на северный, за ледник. Год назад он в первый раз показал своё новое жильё Руте...

Мучила жажда.

Рохом зажгёт от лучины масляный фонарь и поплёлся в дальний конец пещеры, к роднику. Что бы ни говорила Рута, а с пещерой ему повезло. Коридор, ведущий к чаше, правда, был тесен, локтей не развести, зато вода

всегда была под рукой. В такой пещере и многодневный буран пересидишь, и вражескую осаду отобьёшь. Барс отвёл рукой старую шерстяную занавесь, постоял на пороге, прислушался к журчанию воды, поставил фонарь на пол и вошёл в зал. В своё время, обнаружив родник, Рохом несказанно обрадовался и четыре месяца долбил прочный серый гранит, пока у него не получилось то, что он гордо называл «чашей». Сбегая тонкой струйкой по стене, вода наполняла глубокую, по локоть, выбоину в валуне и, переливаясь через край, ручейками разбегалась по залу. Рохом жадно припал к воде. Напился, утёр ладонью усы и подбородок, вновь склонился над каменной чашей, всмотрелся в своё отражение в воде, оскалился. Рохому всегда нравился собственный оскал. Полубовавшись сверкнувшими во мраке острыми клыками, Рохом усмехнулся, поднялся с четверенек, и, с лязгом обнажив меч, грозно зарычал.

– Что, приятель, и тебе худо? – раздалось за его спиной. От неожиданности Рохом едва не брякнул меч в родник.

– Перк? – барс спешно убрал оружие в ножны и спрятал за спину. – Я думал, ты ушёл...

– Я думал то же самое... – проворчал гризли, выпутываясь из драного шерстяного одеяла, – помоги!

Барс волоча ноги подошёл к медведю и стащил одеяло с его головы. Тот посидел немного, будто собираясь с силами, затем осторожно выпрямился во весь рост, почесал пятернёй грудь под грязным салакашем и поплёлся к роднику. Медведя изрядно шатало. Перк долго и шумно хлебал воду, затем поплёлся в комнату с очагом. Оттуда донёсся тяжёлый удар падающего тела, дрызг раскатившейся утвари, медвежий рык вперемежку с заковыристой руганью.

– О! – вскоре радостно сообщил гризли. – Нашёл!

Рохом снова склонился над родником, разок окунул трещащую голову в ледяную воду и отфыркиваясь направился за медведем.

Гризли уже развалился на скамье в обнимку со своей любимой лоханью, вырезанной из комля дуба. Лохань эту медведь почему-то скромно называл кружкой.

– Мне показалось, что я на неё вчера сел. – Перк весело помахал «кружкой» перед носом Рохомы, а затем неожиданно извлёк из-за пазухи кожаную флягу.

– Будешь?

– Перк... – барс попытался забрать у медведя флягу, – знаешь, вчера опять бурнулись до сизых кекликов...

– До сизых? – насторожился гризли. – Ты прав, друг, пора прекращать это, – медведь с сожалением потряс полной флягой и отдал её барсу. – Так хорошо начиналось...

– Да, справили что надо, – покачал головой Рохом, взял совок и принялся выгребать из очага холодную золу, – Только понравилось это не всем.

– Дойра обиделась? – насторожился медведь.
– Рута ушла.
– Ушла?!
– Перк, кому понравится четырёхдневная попойка, песня «Боров в хлам» и дохлый ворон.
– Какой ворон? Где? – удивился медведь.
– Дохлый. Вон в миске лежит...
– А ворона кто принёс? – Перк выглядел озадаченным.
– Ты.
– Я?! Зачем?
– Откуда я знаю?! – с досадой отмахнулся барс. – Она и копыя свои забрала... и плед...
– А может, просто отлучилась силоч проверить? Или порыбачить пошла.
– С двумя копыями, тремя хурками и пледом? Нет, Перк...
Рохом с досадой швырнул на пол совок, ветер тут же разметал золу по полу.

Барс медленно опустился на край очага. В пещере повисла неприятная серая тишина. Было слышно, как тяжело хлопает на ветру сорванная занавесь, шуршит позёмка по заиндевавшему полу да возятся в камнях, под очагом, беспечные мыши.

Тягостная молчанка очень скоро надоела Перку. Гризли вытянул ноги, полюбовался залатанными носками чукашей, поёрзал на скамье так, что она протестующее закрипела, осторожно приподнял крышку стоявшего на столе горшка, привстал и потянулся к деревянному ларю, в котором Рохом хранил сухари. Хруст отломившейся столешницы и зловещий шорох рассыпающейся по грязному полу чечевицы отвлекли барса от дум.

– От же... – огорчился Перк, – упало.

Рохом вскинул на медведя злые глаза, поднялся превозмогая дурноту и поплёлся за метлой.

Меч остался лежать возле очага, и Перк его тут же заметил.

– Можно?

Рохом не ответил, и медведь после недолгого замешательства коснулся шершавых ножен, затем взял меч в руки.

– Красота! – гризли слегка выдвинул клинок из ножен, полюбовался красивым сетчатым узором. – Владеешь?

Занятый работой и тяжёлыми раздумьями барс не сразу понял, о чём речь.

– Да, мой...

Медведь усмехнулся.

– Я не про то! Хотя... Ты им рябчиком головы рубишь?

– Сам-то, – барс немного обиделся, – воитель великий!

– Вообще-то нет, – медведь со стуком убрал клинок в ножны. – Но я уже децал!

– Децал? – Рохом поднял глаза и недоверчиво уставился в медвежью физиономию. – Ты?

Перк не улыбался, и Рохом понял, что он не шутит.

– Правда, что ли? Ты в наёмники вступил? К Мигросу?

Медведь сдержанно кивнул.

– Зимой.

– И молчал!

– Ну... – гризли принялся складывать в очаге дрова. – Что там рассказывать. Сутки охраняешь какую-нибудь галерею или коридор, трое отсыпaeшь. Кормят хорошо. Правда, могут отправить в дальние крепости на пять лет, но зато в награду отдадут охотничьи угоды. Бор на левом берегу Керли знаешь? Вот его и отдадут. Я уже смотрел, малинник там знатный.

– А убьют?

– Кто?! – вытаращился медведь. – Война семь лет как закончилась. Хотя, по правде, я в крепости хотел бы остаться.

Рохом задумчиво чесал переносицу.

– Пять лет, говоришь? Бор этот сам, небось, выпросил.

Медведь скромно отвёл нос.

– Сам. Главное знать у кого, когда и как просить. Умеючи можно и половину Рамира выхлопотать!

– Чего половину? – переспросил Рохом.

– Рамира! Крепость Рамир называется. Ты, Рохом, и вправду, как в глуши живёшь. Ладно... – гризли нехотя поднялся на ноги. – Пойду я. Больше суток пути, а мне ещё послезавтра охрану по наружным галереям разводить.

Хлопнув на прощание Рохома по плечу, медведь принялся шарить под скамьёй. Наконец он выудил зачехленный бердыш и мешок. Бережно упрятав в мешок драгоценную кружку, Перк кряхтя поднялся на ноги и направился к выходу.

– А Рута вернётся! – донёсся до Рохома его голос. – Обязательно вернётся, не переживай!

– Перк, погоди, хоть до Мраморного Рога тебя провожу.

Рохом поднялся со своего места и с тоской понял, что гризли сейчас уйдёт. Уйдёт надолго, как минимум на год.

А он, Рохом, проводит его до скалы, похожей на чёрный рог молодого аргали, и вернется.

Вернётся в тёмную выстуженную пещеру.

В пещеру, которая вдруг стала так похожа на брошенное год назад жильё его родителей...

– Перк, подожди! – барс до боли стиснул пальцами свою широкую переносицу, отчего кожа на его покатом лбу прорезалась рыхлыми складками. – Знаешь, я иду с тобой.

Дополнительные главы можно найти на диске MRFF.

Такова судьба...

Бежит по лесу белый волк
От всех страданий и невзгод,
Что прожил в жизни он своей..
Бежит скорей, скорей, скорей:
Устал он их терпеть.

Зачем и почему бежит?!
Да потому что прожил жизнь
И знает её суть.
Что всё с чего б
Не началось, приводит к одному
концу...

Вот слышен выстрел.
Он упал...
Залился кровью мох.
Он прожил жизнь...
Он её знал...
Но сохранить не смог.

Ана-Люсия

ryoga_aka_pi-chan@mail.ru

<http://lucyblack.furnation.ru/>

* * *

«Кто я? Я — кошка» — Всегда отвечала
Может быть, в шутку, а, может, и нет
Может, как кошка, она жить мечтала
Может, осознан был этот ответ

Может, не зря по ночам ей не спится
Тянет на звезды взглянуть сквозь окно
Может, кошачья ей жизнь только снится
Вам не ответит она всё равно

Может, не зря её тянет к коленям
Мягко приляжет и вроде уснет
И, глядя сны целых пол воскресенья,
Тихо проснется и кротко вздохнет

Может, не зря она к ласкам так тянется
Ты лишь ее по головке погладь
Сразу поймешь, как ей это нравится
Когда под рукою волос её прядь

Может, не зря она только с тобою
Время проводит, а не с другим
Кошку нельзя приручить, я не скрою
Но кошка кого-то считает своим

Может, не зря с тобой кошечка счастлива
Может, такая у кошки судьба
Сбоку прижмется калачиком ласково
И будет тихонько мурчать до утра

Мантс

den.prozherin@yandex.ru

<http://prode.furnation.ru/>

* * *

В пору дождя, под вечер летний,
Когда лишь капель стук и пенье птиц,
Мне кажется, что я дракон столетний,
Сошедший в этот мир с чужих страниц.

И, волшебство в природе замечая,
Всё больше верю в будущий полёт.
И чудится, что с высоты взираю –
В расправленные крылья ветер бьет.

* * *

Зимняя дорога, белоснежный лес.
Сгинула тревога в чистоте небес.

Солнце светит косо, рыжим по коре.
Знать, не так белесо стало в январе.

За пределом города зеленая хвоя...
Я ушёл от холода в теплые края.

Там листва зеленая, ярче красок мох,
Только неспокоен я, чудится подвох.

Кажется, что льдинку я унес с собой –
Тянет на тропинку, что к тебе домой.

Mezza the Fox

mezzathefox@gmail.com

<http://mezza.furnation.ru/>

Ящерки

Счастье свивает кольца.
Теплой осенью сухо.
Свет появился в оконце,
Счастье и бодрость духа.

Просто рядом на солнце
Ящерки греют брюхо

Сирин

Научи меня петь, Сирин-птица,
Чтобы видеть восторг в чьих-то лицах,
Научи меня трогать струны сердец,
Чтобы кто-то забыл про печаль.

Научи меня петь, птица Сирин,
О звездах, о небе, о мире.
Научи же меня, сладкогласый певец,
Чтобы близкой казалась мне даль.

Сирин-птица, пропой мне о небе,
Унеси меня в Рай, где б он не был
Пусть забуду себя, ну и пусть ну и пусть,
Лишь бы только забыть про печаль.

Птица Сирин, небесные перья,
Ты поешь, пока живы поверья.
Ну а я не вернусь, никогда не вернусь,
Синий коршун, чьи когти, как сталь.

* * *

Сверну в комочек старый мир
И нарисую новый.
На этот раз я полон сил
И всё вернётся снова.
Возьму я кисти, краски, тушь,
Что нужно для контраста.
Перед глазами светлый пляж,
Вокруг так чисто, ясно.
Играют блики по волнам,
И солнце ярко светит,
А красок целый океан,
Так много их на свете.
Я нарисую глубину
Всех чувств, любви эмоций.
Немного жёлтого возьму,
Врисую в небо солнце.
А тучу мрачную сотру –
Ей здесь не будет места.
Прохладу, грязь я уберу,
Достало, если честно...

Tanassi

tanassi@rambler.ru

<http://liondv.furnation.ru/>

ОХОТНИК

Движения твои быстры а когти остры,
дыхание, смерть а рычание ужас.
стальные мышцы, короткая шерсть,
шаги осторожны почти неслышны,
когда ты крадешься в полночной глуши.
вот запах добычи коснулся ноздрей,
в глазах полыхнули полосы зрачков.
короткий разбег, могучий прыжок,
и вот когти впились жертве в бок.
короткий вскрик боли и яростный рык,
и вновь тишина, ты мраком сокрыт.
твои лапы быстры и ловки,
и не спасут добычу уловки.
ты властелин тени ночной,
никто не рискует бороться с тобой,
все тихо шепчут, охотник вышел тропюю ночной.

Вультур-Мартес

kyrapraxin@gmail.com

<http://vultur-martes.furnation.ru/>

На изнанке мира

Эту удивительную историю я записал во время своей первой поездки в Тибет в далёком 1988 году. В те годы советское правительство не особенно интересовалось праведной Снежной страной, а все наши записки приходилось скрывать от вездесущего китайского аналога КГБ (Чжунъюн Дяочабу), делая их в виде пометок между строк привезённых с собой книг.

К фурри-сообществу этот рассказ имеет отношение, хотя в те годы никто в нашей стране ещё не слышал о фурри (сам я узнал о них лишь 20 лет спустя), но уже тогда я считал себя скорее соболем, чем человеком, а тот замечательный пэнчэн-лама, о котором пойдёт речь ниже, считал себя тулку (то есть перерождением) кота Джимпруга из удивительной страны Граминьян, страны гор и степей, о которой будет рассказано там же.

Гору Жигаце, царицу Лхасы, снежно-белую жену в браслетах из драгоценных камней, венчает монастырь Ташилунпо. И хоть давно поблёкло сусальное золото его крыши, давно разворованы китайскими коммунистами его ризницы и крипты, в древних горделивых зданиях, неровно облитых белой краской, среди переходов и молитвенных залов, где гуляет суровый тибетский ветер, ютятся несколько монахов Жёлтой веры – учения Гэлугпа.

Нас, пришельцев из далёкой северной страны, монахи встретили радостно и учтиво, они вышли нам навстречу всем монастырём. В те дни, помню, мы не расставались с ручками и бумагой, хотя пальцы коченели от холодного горного ветра, а в шариковых ручках чернила превращались в синий лёд. Порой приходилось прямо-таки вцепиться в лист, чтобы его не унесло ветром, и выводить на нём неразборчивые каракули. Кроме тибетского и китайского, других языков ламы не знали; а ведь это сложнейшие языки на планете, и их знание у нас было вполне несовершенным, и мы не уверены, что всегда понимали монахов правильно. К тому же классический тибетский язык, вызубренный нами в Ленинградском университете, сильно отличался от разговорного. Но историй, собранных тогда нами, хватит на целую книгу.

В основном это были обычные монастырские истории: про чудеса появления пятицветных облаков, про историю избрания Далай Ламы Пятого, про то, как нерадивому монаху явился святейший Бодхисаттва

Манджнушри и дал золотую книгу с серебряными буквами, и прочее, и прочее.

Но особенно запал в мою душу рассказ одного ламы. Драгоценный Учитель Нали Тензин Ринпоче вышел из зала медитаций и поприветствовал нас, как принято в Тибете:

- Таши-деле!
- Таши-деле. Лха жьяло?
- Лха жьяло. Нга...

Обычный сгорбленный старичок, каких в Тибете тысячи. Но его глаза поразили меня, уже тогда считавшего себя сободем – это были глаза хищного зверя...

– Преподобный Лувсанданзан сказал, что Вы знаете много историй, – начал я разговор.

– Даа... но пойдёмте отсюда, здесь холодно. Давайте выпьем чаю, – как бы невзначай сказал он, покосившись на китайского охранника с винтовкой, живо напомнившего мне урук-хая из недавно тогда прочитанного «Властелина колец».

Дело в том, что за такие рассказы в коммунистическом Китае, мягко говоря, по голове не гладят. Нали Тензин Ринпоче (жив ли он сейчас? Или отправился в новое странствие?) был не обычный лама. Он был тулку – лама-перерожденец, что помнит все свои предыдущие рождения. Мы спустились в тёмный, освещенный единственной лампой подвал, и старый лама налил нам, по тибетскому обычаю, чай с молоком яка и солью. После чего начал дивное сказание:

– Ну, самые первые мои перерождения - рыба, черепаха, лягушка – вас, дорогие, не особо заинтересуют – усмехнулся он. – Но вот уже несколько тысячелетий я перерождаюсь в облике хищных зверей. Я был волк, горностай, хорёк, соболь, тигр, барс, кот... Тридцать рождений назад я был котом цун-мо (королевы – В. М.) страны Царпхат (Франция? – В. М.) Я жил в огромном дворце, больше Поталы – обители Далай-ламы. Этот дворец назывался Лубаруд (Лувр? – В. М.), и я жил в нём в радости и веселье, как и положено котам, принадлежащим цун-мо. Но больше всех мышей и золотых игрушек меня интересовала и манила огромная картина, что висела в большом восточном зале, посреди доспехов и корон древних царей. На ней были изображены праведный царь Срондзангамбо и две его жены – богини Белая Тара и Зелёная Тара (да, да, это царь был женат на богинях, а как это вышло – я расскажу в другой раз). Эта картина манила меня, королевского кота, neodолжимо - мне казалось, что через неё я найду проход в миры вторые. И однажды я прыгнул на картину, она упала и задавила меня, и я умер. Но путь в миры вторые я действительно нашёл, и я предпринял путешествие от нашей стороны мира к его изнанке. А путь туда проходит через Бардо, и длится семь дней*.

* Бардо (тиб.), также санскр. Антарабхава – промежуточное состояние, буквально, «между двумя». Вообще, любой интервал, «между». – Википедия

День 1

Всё утро проразмышляя о пути и Добродетели, вошёл я в Красный лес под сень адамантовых небес и червонных ветвей. Тек шелковый ветер и звенела хрустальная река, а земля была осыпана красными листьями. Я направился взять пропуск через Бардо и направился к кошащему чиновнику. Посмотрев зрачками-щёлками и хвостом махнув, он поставил алую печать, позволяющую пройти сквозь эти странные места.

В червонном лесу, под шелковым ветром, я не мог пройти мимо усыпальницы Бодхисаттвы Трисангъя, покровителя всех зверей земных. Всю жизнь сокрушаясь над расколами мира, он, как говорят, понял, что расколы – это и есть трещины, а весь мир – это тёплое первовещество, энергия, которую он назвал Цибь. Всё что мы делаем – это стремимся закрыть трещины или хотя бы избежать их, стремимся к небесному всеединству...

Почтительно кланяюсь перед местом, где птицы небесные давно, по обычаю, съели его тело. Цибь обвеивает меня шелковым ветром, звенит в хрустальной реке...

А вдалеке над лесом нависает Старый дворец. Огромное царство кошащие теперь легче нарисованного перышка – после того, как оно без остатка погрузилось в Цибь.

День 2

Войдя в Рыжий лес, основная мысль у меня была – купить кедровые орехи. Но дива этого леса быстро меня от орехов отвлекли. Ибо деревья тут вздымались до небес, а в резных куцах крон жили белки. А Цибь, живущая в этих зверьках, изменила и лес вокруг. Река разговаривала звонкой песнью водяных колёс, а ветер вращал мельничные лопасти; белки были в дуплах и меж ветвей, и каждая была занята делом. На ветках висели пирожки и грибы с фруктами; банки с едой перекачивались по механическим путям от дерева к дереву. И меж всего этого дышал настоящий лес, пели птицы, пробежала лиса. Я пробовал было поговорить с белками по разговорнику, но у меня ничего не получилось, потому что я ни разу не смог произнести звук «ц». А вокруг – чудеснейшие листва и хвоя, грибы, ягоды, шишки кучами валяются. Я оставался в лесу до поздней ночи, и даже уходя, я начисто забыл о кедровых орехах.

День 3

Войдя в Златой лес, я на месте застыл. Представьте – такой маленький зверёк на фоне огромных, до неба, древесных бурых стволов, а земля усыпана чеканными золотыми кленовыми листьями, и эти листья

кружатся под осенним ветром, как птицы...

В голове моей кружились песни ветра, а небо было затянуто серыми тучами. Я брел по лесу, пока не понял, что заблудился в этой мистической стране. И тут я увидел Ямантаку – посланца смерти, страшного волка. Я испугался и залез на дерево, цепляясь когтями за кору. Как же я тогда испугался! А вот монголы считают себя детьми Синего Волка и не боятся этих зверей. Волк сказал мне, что он проводит меня до границ леса. И я пошёл за ним – он по земле, а я по веткам деревьев. И тут словно бы сердце небес раскрылось и показало свою суть, которая очень проста. А внизу – овраги и расщелины, усыпанные желтыми листьями. Будда улыбался с небес, и отдавалось эхо в перелесье; а ветер цепляет жёлтые листья мне на хвост.

День 4

На подходе к зелёному лесу я наострил уши. Дальше, на лужайках и прогалинах, тысячи мышей были заняты делом – каждая рыла ямку и сажала туда зёрнышко, а там, где рожь уже поспела – на полях мыши карабкались по колоскам и вышелушивали зёрнышки из них.

Чуть подальше в лесу мыши возводили холмы и валы из земли, соломы и гнёзд – на их лад, идея Вечного города. Таков самый большой уровень Бардо – мышье государство Ци-Ци.

[Тут был ещё один лист, но его в далёких горах, кажется, утащила горная пищуха и унесла в свою нору. Там рассказывалось, насколько помню, о вратах Кошачьего короля].

День 5

Гораздо веселее был Лазоревый лес, где живут куры. С неба падает снег, но сухой и совсем не холодный, он окутывает всё вокруг, а посреди снежного поля стоят лазоревые деревья и кусты, слегка качаясь. Курятник – огромная то ли башня, то ли замок; и на добрую лигу от него разносятся квохчущие куриные песни. Куры очень радушны и любезны – предложат и блюда, и тёплое гнездо, и, глядя на резные панели XIII века, приятно слушать, как куриный менестрель поёт старинную песню:

Куры, куры, жизнь моя!
Ох, умру без вас ведь я!
Куры-курочки мои
В клеточки попали.
Как мне вызволить бы вас,
Чтоб вы не кричали?

И засыпать под треск поленьев в камине, а просыпаться под громкое квохтание кур, приступивших к ежедневному несению. И удивляться,

когда куры мне зададут вопрос: «не снеслись ли Вы?». Ведь в несении и рождении сотен цыплят есть какая-то особая, куриная Циь, теплящаяся в этой башне-замке посреди лазоревого леса.

...и как тут не вспомнить старую песню о курочке, по своему цыплёночку плачущей...

День 6

А Синий лес похож на обычную тайгу. А синь – небо и воды, синим лес кажется из реки, глазами хозяев этой страны – осетров. Наверное, нигде, кроме как здесь, в Стране осетров, нет такого яркого, звенящего солнца, черных, словно «чешуйчатых» гор и таких древних сосновых лесов.

Пройдя по берегу реки и любуясь на упавшие шишки, я решил наконец войти в реку. Хотя мне, как соболю, это не особо положено, но вода оказалась вовсе не мокрой и ярко-синей, словно жидкий сапфир. А на камнях речного дна были петроглифы – рисунки древних времён, алтайские руны. Проплыв метров пятнадцать, я неожиданно столкнулся нос к носу с осетром! Эти странные золотые глаза, глаза рыбы... Осётр меня не съел, но я почел за благо убраться из воды и ещё долго ходил по берегу, лакомясь брусникой и малиной и издали поздравившись с медведем. Это край поразительной силы; Циь нисходит с солнца, из камней, из янтаря и сосен. А эти странные глаза, глаза рыбы, я вспомнил и в пурпурном лесу.

День 7

Вот и последняя остановка Бардо перед изнанкой мира. Водорослевый пурпурный лес, разговор с рыбой...

[пропущенные листы утеряны, там рассказывалось о беседе с рыбой и достижении просветления]

Вот так, перебравшись на другой берег Бардо, я достиг изнанки мира, именуемой Граминьян; и должен был там переродиться. А перерождаются там способом, именуемом на санскрите uparatti – мгновенное появление без материальных причин. И таким праведным образом я попал в Страну счастья – материализовался в сундуке с платьями королевы Граминьяна, в алмазах изукрашенной горнице. Я хорошо помню яхонтовый дворец короля-кота, фиолетовый дым фимиама, переплетчатые витражи... Помню, как я с Кошачьим королем ездил на охоту на мышей, бронзовый

звук рогов, изумрудные листья джунглей. Я даже сложил поэму в те дни:

В свете вечерней луны
Пурпуром озарены
Страны, поля и леса,
Башня, что ввысь в небеса.
Башня стара и красива,
Живёт там король – всем на диво.
Хоть удивленье берёт,
Но всё ж король этот – кот.

Эх, всё давно вывалилось из старой моей головы, уже и все рифмы из неё вылетели. Ладно, в другой раз расскажу о моей жизни в кошачьем дворце. Говорят, вы, люди запада, не верите в иные жизни и реинкарнации. Я тоже не могу сказать, что это всё правда, потому что других жизней – нет. Жизнь – одна, но она длится и длится, сотни веков, в разных мирах...

Таковы были слова удивительного старого монаха Нали Тензин Ринпоче. У меня не было больше бумаги, чтобы и дальше записывать слова преподобного, но суть их была вот в чём: кошачий падишах сделал его правителем той самой области, населённой курами. А куры, как оказалось – глупы (как китайские коммунисты, – говорил старый монах, улыбаясь. – Только и знали, что клевать, нестись и насиживать...) и поэтому Тензин Ринпоче сочинил для кур музыку, что сомкнула бы трещины во Вселенной и в той самой Циби, о чём речь была выше. И эта музыка проникла в три тысячи миров и принесла счастье и освобождение мириадам живых существ. А кошачий король в итоге встретился со своим единственным врагом – самим собой, и он избавился от двойственности, слился с Бесконечным и стал бодхисаттвой – почти что Буддой.

За такую заслугу в объединении мира Нали Тензину боги дали «корабль великий – драгоценную жизнь человека», чтобы дать возможность уйти в нирвану. Вот уже двадцать четыре жизни он перерождается человеком, из них последние десять – тибетским ламой. Жив ли он до сих пор? Не разрушили ли китайцы старинный монастырь?

Не будем разбирать, что старый монах придумал сам, а что на самом деле истина. Что же касается фурри, то цель, например, моего фурри-бытия – совсем как в рассказе старого монаха – избавиться от двойственности, положить конец бинарной оппозиции человек-зверь, самому стать как бы зверем и воссоединить расколотый, увязший в иллюзии мир в единую драгоценность, собрать из цветных осколков драгоценный алмаз.

Ноябрь 1988 – октябрь 2012

*Связаться с авторами, упомянутыми в журнале,
можно по приведенным ниже адресам:*

Alive	<st3ve-o@rambler.ru>
Аметист Аррстар	<darrkkar@yandex.ru>
Банзай	<Unreal-Prey2@yandex.ru>
Чинк	<tiua123@mail.ru>
Скио	<ckio@mail.ru>
Дженни	<ask-editor@mail.ru>
Дотти Рейн	<dorothy92@list.ru>
Dreamer	<nightlion@list.ru>
Фаэрт	<tikritt@gmail.com>
Foxel the lion	<foxel@quickfox.ru>
Gold-Black Riddle	<nastm@yandex.ru>
GoodWolf	<hppp@yandex.ru>
Halista	<halista@yandex.ua>
Хильд	<hild1984@yandex.ru>
Justfox	<Just-Foxy@ya.ru>
Кахито	<velesdooh@rambler.ru>
Кельт	<zebra555@mail.ru>
КошкоРысь	<linx11@rambler.ru>
Куджо	<Kydjoghost@yandex.ru>
Lusy (Ана-Люсия)	<ryoga_aka_pi-chan@mail.ru>
Мантс	<den.prozherin@yandex.ru>
Max Haibane	<max_records@hotmail.ru>
Mezza the Fox	<mezzathefox@gmail.com>
Найчит	<neichet1@gmail.com>
Orphen Sirius	<ald88@mail.ru>
PolarLight	<polarlightwolf@gmail.com>
Рагнарек Саятам	<arok-arok@yandex.ru>
Рулисс	<SerpantDeKone@yandex.ru>
Сэголь	<hatulashelkira@yandex.ru>
Skip	<adm@adgth.ru>
Static Ghost AKA Rain	<rain198@mail.ru>
StormWind	<stormcanine@yandex.ru>
Таби	<kiara222@mail.ru>
Tanassi	<tanassi@rambler.ru>
Tim640	<spyrorealms@mail.ru>
ToddWolf	<lugaru_91@mail.ru>
Tuutiky Neferu	<pohjela@yahoo.com>
Vultur Martes	<kyrapraxin@gmail.com>
Редакция АРФИ	<arfi@artfurry.ru>

Обложка:

Tim640

Внутренняя обложка:

Tim640

Иллюстрации оглавления:

Tuutiky Neferu

Иллюстрация стр. 83:

Max Haibane

авторство других рисунков указано в оглавлении

Главный редактор:

StormWind

Помошник редактора:

Найчит

Диск MRFF:

Lozi Cheetah

Верстка, дизайн:

StormWind, Namiri

Корректор:

Ambidexter

Печать:

АРФИ

К печатному изданию АРФИ прилагается DVD-диск MRFF с музыкальными произведениями Furry-авторов и дополнительными материалами, которые не поместились в печатную версию журнала

Создатели альманаха и музыкального приложения выражают благодарность всем авторам которые присылают свои художественные и литературные работы, статьи и музыкальные произведения для нашего проекта.

Если Вы заинтересованы в участии, просим Вас связаться с Редакцией журнала.

Ждём Ваших писем!

Сайты, входящие в содружество:

АРФИ

<http://arfi.artfurry.ru>

[<arfi@artfurry.ru>](mailto:arfi@artfurry.ru)

MRFF

<http://mrff.ru>

[<lozi_cheetah@mail.ru>](mailto:lozi_cheetah@mail.ru)

FURNATION.RU

<http://www.furnation.ru>

Музыкальный раздел by Lozi [<lozi_cheetah@mail.ru>](mailto:lozi_cheetah@mail.ru)

Редакция АРФИ [<arfi@artfurry.ru>](mailto:arfi@artfurry.ru)

Выражаем признательность всей пушистой
общественности за участие и посильную помощь.

До скорых встреч и спасибо за внимание!

**Приглашаем к сотрудничеству пушистых авторов всех
жанров и направлений! Присылайте свои работы.**

Russian Furry Publishers 2012-2013

АРФИ 2012

85 стр.

PDF-версия

